

ВАСИЛИЙ ГОРЬ

МЕЧЕННЫЙ

Нелюдь

Василий Горь

Меченый

«ЭКСМО»

2013

Горь В.

Меченый / В. Горь — «Эксмо», 2013 — (Нелюдь)

ISBN 978-5-699-62039-5

Нелюдь, Бездушный, слуга Бога-Отступника, убийца. Им пугали детей, и даже бывалые воины торопились убраться с его дороги. А он просто шел своим, только ему понятным Путем, к цели, которая когда-то не спросясь сделалась главной. Но однажды все поменялось, когда Кром Меченый увидел Мэй, дочку барона д'Атерна, и спас, потому что она была в беде, а потом еще раз и еще. Так бывает, и тогда событие в настоящем меняет будущее, если кто-то не побоится заглянуть в прошлое. А Мэй не побоялась...

ISBN 978-5-699-62039-5

© Горь В., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	41
Глава 8	45
Глава 9	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Василий Горь Меченый

Глава 1

Король Шаграт Второй, Латирдан

Пятый день четвертой десятины второго лиственя

Ухо снова обожгло болью. Такой острой, что Шаграту стало не до письма. Аккуратно отложив в сторону перо, он прикоснулся к мешочку с солью, привязанному к щеке, и недовольно поморщился: тот оказался лишь ненамного теплее его руки.

– Уже остыл, сир? – поинтересовался телохранитель.

– Да. Пусть Риман принесет горячий.

Шуго кивнул, скользнул за тяжеленную портьеру, открыл дверь в коридор... и, получив страшный удар в грудь, взлетел в воздух.

Время дрогнуло и остановилось: телохранитель еще летел спиной вперед, прижимая подбородок к груди, округляя плечи и пытаясь выхватить из ножен меч, а Шаграт уже рвал жилы, чтобы опрокинуть тяжеленное кресло и выскользнуть из-за стола.

Еле слышимый скрип подлокотника... Треск портьеры, разрываемой чьим-то клинком... Вспышка боли в ушибленном колене... Шлепок ладони¹ Шуго об пол... Лязг его кольчуги во время переката через спину...

Пестрые ворсинки ковра, увешанного фамильным оружием... Отблеск пламени свечи в лезвии боевого топора, висящего под щитом с родовым гербом Латирданов... Скрюченные пальцы десницы, пытающиеся дотянуться до рукояти спаты...

Рукоять спаты², обтянутая шершавой кожей *иннара*³, прыгнула в ладонь – и время устремилось вперед. Вдвое быстрее, чем обычно: за спиной Шаграта коротко свистнул меч, хрустнули перебиваемые кости, и раздался булькающий хрип из перехваченного горла.

«Кого-то достал», – мысленно отметил король, сорвал со стены кулачный щит и развернулся.

Безголовое тело со вскинутым вверх обрубком правой руки и отставленной в сторону левой еще стояло. А Шуго уже тянулся к следующему – воину в цветах Латирданов, заносящему над головой маграсский⁴ чекан. И что-то неразборчиво хрипел.

«Ухо... д-дите... с-сир-р-р...» – с трудом разобрал Шаграт. Потом увидел, что телохранитель прижимает левую руку к боку, разглядел пятно крови на месте его падения и бросился к камину.

Два прыжка до стены, рывок за кованый держатель для факелов – и статуя Вседержителя⁵, стоящая в нише, бесшумно отъехала в сторону, открывая узкий проход в потайной коридор.

– Сзади!!! – хрипло прорычал Шуго, и король, не раздумывая, бросился на пол.

Над головой дважды звякнуло.

¹ Шлепок ладони – страховка при падении.

² Спата – обоюдоострый меч длиной 60–80 см.

³ Иннар – морской хищник с шероховатой кожей, используемой для обтягивания рукоятей оружия. Рукояти, обтянутые кожей иннара, не проскальзывают в ладони.

⁴ Маграсс – королевство, лежащее южнее Кейларии.

⁵ Вседержитель – старший бог местного пантеона.

«Арбалетчики у них не очень...» – отстраненно отметил Латирдан. И, не вставая на ноги, на четвереньках влетел во тьму.

Статуя возвращалась на место так медленно и неторопливо, как будто с той стороны ее пыталась удержать упряжка волов. А встав на место, еле слышно щелкнула и... поползла обратно!

Отчаянно рванувшись, Шаграт изо всех сил всадил спату в щель под запорным кольцом и попробовал провернуть клинок.

В стене что-то хрустнуло, и статуя, успевшая сдвинуться на полторы ладони, остановилась.

«Все равно отодвинут», – обреченно подумал король. Потом вспомнил про арбалетчиков и, по привычке считая шаги, бросился во тьму.

«На развилке – налево. Пройти семь локтей прямо. Остановиться, упереться ладонью в правую стену и наступить на приступочку рядом с левой. Десять локтей в распоре, потом вернуться на пол и пройти еще четыре. По левую руку лестница... – Свернув в неиспользуемый проход, король мысленно воспроизводил текст, заученный наизусть еще в глубоком детстве. – Спуститься на восемь ступеней, перепрыгнуть через три следующие, два раза подскокить на месте – и справа откроется ниша. Не сходя с места, потянуть за кольцо в полу и дожидаться щелчка».

Спустился, перепрыгнул, подскокил... и грязно выругался: в глубине открывшегося хода раздался истошный крик, потом жуткий хруст костей, перемалываемых какой-то из ловушек, и разъяренный рев:

– Чего встали, олухи? Впере-е-ед!!!

«Они уже в подземельях. Значит, в город не выйти. В сад, наверное, тоже. Что ж, придется спускаться с башни», – угрюмо подумал Шаграт, развернулся, представил, где должна находиться нужная ступенька, и прыгнул.

Когда король вернулся к развилке и свернул в хорошо знакомый коридор, ведущий в Северную башню, со стороны кабинета донесся треск раскалывающегося камня.

«Статуя Вседержителя!!!» – ошеломленно подумал Шаграт. Потом представил себе горящий праведным гневом взгляд брата Униара и мстительно усмехнулся: в ближайшем будущем кого-то из заговорщиков ждала «Беседа с Господом»⁶ – трехдневное пребывание в «келье» на лобной площади Аверона⁷. А потом четвертование – если, конечно, жертва переживет эту «беседу».

– Если хочешь на это полюбоваться – поторопись. А то встретишься с Вседержителем раньше этих несчастных, – вслух пробормотал король и сорвался с места.

Чтобы успокоиться и отвлечься от вернувшейся боли в ухе, король считал пройденные ловушки и пытался понять, сколько времени потребуется преследователям, чтобы облазить весь подземный лабиринт и добраться до Северной башни. Получалось, что не очень много – от двадцати минут и до часа⁸.

«Если поторопиться, то успею до Варравки. Я – без кольчуги и лат, значит, десять минут на плаву как-нибудь продержусь. А там – заброшенные шахты, и...»

Представлять свои скитания по штрекам, осыпающимся от старости, королю не хотелось. Сосредотачиваться на пульсирующей в ухе боли – тоже. Поэтому, перепрыгнув через плиту с сюрпризом, сбрасывающую незваного гостя в колодец, утыканный остро отточенными

⁶ «Беседа с Господом» – пребывание в железном шкафу, в створках и стенках которого были закреплены десятки острых шипов-лезвий, расположенных так, чтобы не повреждать ни один из жизненно важных органов. Аналог «Нюрнбергской девы». В 1515 году виновный в подлоге промучился в ней три дня.

⁷ Аверон – столица королевства Вейнар.

⁸ Здесь и далее название промежутков времени и т. д. будет приводиться в привычных нам единицах.

кольями, он попытался пересчитать, какое количество заговорщиков найдут свою смерть в этих коридорах.

Получилось, что порядка сорока.

«Сорок человек, посвященных в заговор, – это много. Даже очень», – подумал он. Потом вспомнил тон, которым старший группы, пробравшейся в подземелья со стороны Южного рынка, гнал своих людей вперед, и вздохнул: в этой группе были не посвященные, а самое обычное «мясо». Смертники, являющиеся расходным материалом для любого мятежа.

Добравшись до нужного места, Шаграт отодвинул в сторону крышку смотрового глазка и припал к ней ухом. И еле удержался от стога: от прикосновения к холодной стене ухо резануло такой болью, что на глаза навернулись слезы. Пришлось прикладывать левое. И вслушиваться «через не могу».

На лестнице оказалось тихо – ни звуков шагов, ни лязга оружия, ни голосов.

Выждав с минуту, король пропихнул в дырку монетку и снова припал к отверстию.

На звон золотого не среагировал никто.

– Значит, заговорщики – только в Западном крыле, – сделал вывод он, снял с себя камзол, намотал его на левую руку, проверил, как выходит из ножен кинжал, и прикоснулся к торчащему из стены кирпичу. Тот чуть заметно дрогнул – и часть стены медленно ушла в пол.

Выскользнув на лестницу, Латирдан остановился и снова обратился в слух. Внизу, в помещении, которое голубятники использовали как хранилище для топоров, пил и всякой дряни, было тихо. А сверху раздавалось приглушенное воркование голубей и чуть слышный скрип половиц. Потом скрипнула дверца одного из паровочных⁹ ящичков, и до короля донесся расстроенный вздох старого Мешвара:

– Ну и что мне теперь с тобой делать?

Король выхватил кинжал и прижался к стене.

– Вокруг столько красавцев-ветерков¹⁰, а ты повелась на обычного носача¹¹! Эх, дуреха ты, дуреха...

«С голубями разговаривает», – облегченно выдохнул Латирдан, бесшумно поднялся по лестнице до машикулей¹², выглянул наружу и... в сердцах помянул Дзуликого¹³: в зеркале воды, подернутом легкой рябью, отражался край рва. И перевернутые вверх ногами всадники на черных, как смоль, лошадях на самом его краю.

– Ваше величество, это вы? – услышав голос короля, испуганно воскликнул Мешвар.

– Я, я... – прорычал монарх, в два прыжка преодолел оставшиеся ступени и ворвался на голубятню.

Голубятник тут же бухнулся на колени, прижался лбом к полу, усыпанному пшеном и заляпанному голубиным пометом, и затараторил:

– Не велите казнить, сир! Я недоглядел – Пушинка спуталась¹⁴ с носачом, и теперь...

– Дзуликий с ней, с твоей Пушинкой!!! – рывкнул король, сорвал с левой руки камзол, огляделся по сторонам и, выбрав паровочный ящик помассивнее, попробовал сдвинуть его с места.

Ящик сдвинулся на пядь и застрял.

⁹ Паровочный ящик – ящик, предназначенный для гнездования голубей.

¹⁰ Ветерок – местное название почтового голубя.

¹¹ Носач – местное название дикого голубя.

¹² Машикули – навесные бойницы, расположенные в верхней части крепостных стен и башен.

¹³ Один из самых одиозных богов местного пантеона.

¹⁴ Голубку, покрытую непородистым сизарем, умертвляют. Считается, что в дальнейшем из-за эффекта телегонии она будет рождать только чиграшей – породистых голубей с генетическими изъянами.

– Ну, что встал? Помогай! – воскликнул он и, дождавшись, пока старик возьмется поудобнее, скомандовал: – Толкай!!!

Ящик скользнул вперед и перекрыл входной люк.

– Кидай внутрь мешки с пшеном. Живо!!!

Мешвар начал служить на голубятне еще при деде Шаграта, поэтому прекрасно знал, чем чревато неповиновение – мгновенно забыв про порченную голубку, он проковылял к ларю с кормом и вытащил из него тяжеленный мешок.

– Все, какие есть, – на всякий случай уточнил монарх, потом вытер перепачканные ладони о штаны и открыл шкаф с писчими принадлежностями.

– Может, писаря позва... – начал, было, голубятник, потом наткнулся на бешеный взгляд сюзерена и побледнел: – Простите, сир! Уже несущ следующий!

Срывать злость на ни в чем не повинном старике было глупо, поэтому Шаграт заставил себя успокоиться, вытащил из шкафа связку перьев, чернильницу, стопку листов пергамента и металлическую тарелку с песком, перетащил это к столу, за которым обычно трудился писарь, и упал в продавленное кресло.

Очиненное перо обмакнулось в чернила, и десница короля самолично вывела на листе малюсенькие буквы:

Пятый день четвертой десятины второго лиственя¹⁵.

Сообразив, что тратит время зря, Шаграт скомкал лист, отбросил его в сторону и взялся за следующий:

В Авероне – мятеж. Жду. Шаграт Второй, Латирдан.

– Запечатай и отправь графу Мирдиану Уллирейскому, – присыпав письмо песком, приказал король. Потом осторожно прикоснулся к больному уху, поморщился, стянул с пальца перстень-печатку, аккуратно поставил ее на стол, пододвинул к себе следующий лист... и сообразил, что Мешвар перестал таскать мешки. – Не сейчас, а когда завалишь люк. А я пока напишу остальные...

¹⁵ Листвень – весна. Второй листвень – второй месяц весны. В году – 12 месяцев. В месяце – сорок дней.

Глава 2 Кром Меченый

Четвертый день четвертой десятины второго лиственя

Пламя взлетает по стенам сарая, как белка на вершину сосны. И, на мгновение замерев у конька крыши, прыгает ввысь. Туда, где в разрывах угольно-черных облаков мелькает мутный желтый глаз Дэйра¹⁶. Вытянувшись на десяток локтей, оно замирает, а потом рассыпается мириадами искр, которые устремляются вниз. К земле, залитой кровью и заваленной бьющимися в агонии телами.

Делаю шаг... потом второй... Стряхиваю с плеч навалившуюся тяжесть... Не глядя, отмахиваюсь засапожником... Ощущаю, как вздрагивает чье-то тело, прыгаю в огонь и...

...И просыпаюсь.

По щеке скатывается слеза. Торопливо смахиваю ее рукой, вслушиваюсь в непрекращающийся шелест над головой и криво усмехаюсь: это не я. Дождь...

Приподнимаю голову и смотрю под стреху крыши. В чуть посветлевшую пелену дождя. Поминаю Двуликого и снова опускаю голову на котомку.

За спиной раздается испуганный шепоток:

– Проснулся...

Переворачиваюсь на другой бок, вглядываюсь в темноту, слышу испуганный вскрик и усмехаюсь еще раз: да, я проснулся. И сейчас уйду.

Чуть подрагивающие пальцы правой руки привычно нащупывают посох, пробегают по зарубкам, прикасаются ко вчерашней и... замирают: это еще не конец Пути: впереди – еще полтора пальца¹⁷ гладкой древесины, до блеска отполированной моими ладонями.

Полтора пальца – это много. Очень много. Но, как говорил Арл, «не мы выбираем Дорогу, а она – нас».

Удерживаю тяжелый вздох, готовый сорваться с губ, подтягиваю к себе котомку и слезаю с повети¹⁸. Поворачиваю голову вправо, потом влево... и натываюсь на до смерти перепуганный взгляд тощего рыжеволосого мальчишки в насквозь промокшей рубахе и до ужаса грязных портках.

– Э-э-э... – мычит он и закашливается.

Понуднее перехватываю посох, забрасываю котомку на плечо, берусь за ручку двери и останавливаюсь, услышав полупридушенный шепот:

– Ваша милость! Н-не побрезгуйте! Чем богаты, тем и...

Киваю, протягиваю руку и останавливаю ее перед его лицом.

Малец набирает в грудь воздуха, зажмуривается и протягивает мне перевернутую вверх дном крышку бочки, на которой лежит краюха черствого хлеба, закаменевший кусок овечьего сыра и половинка вареной репы.

С сеновала раздается завистливый вздох.

Криво усмехаюсь: да, так «везет» далеко не каждому.

Скидываю с плеча котомку, развязываю узел и молча забрасываю в нее еду.

Малец непонимающе моргает, потом вглядывается в мое лицо, пятится назад, натывается спиной на стену и торопливо чертит в воздухе отвращающий знак:

– С-спаси и сохрани. С-спаси и сохрани...

¹⁶ Дэйр – одна из двух лун Горгота.

¹⁷ Палец – мера длины, равная 8 см.

¹⁸ Поветь – нежилая пристройка к дому для хранения хозяйственного инвентаря.

На сеновале кто-то перепуганно икает. А потом начинает истоиво шептать «Славословие». Равнодушно пожимаю плечами, возвращаю котомку на место и толкаю дверь. Ногой. И натягиваю на голову капюшон, только оказавшись во дворе.

Постоялый двор «Сломанная стрела» уже проснулся: со стороны свинарника доносится истошный визг поросят; пара мальчишек листовеней¹⁹ восьми-десяти, нагруженные дровами, пытаются перебраться через лужу, разлившуюся перед входом на кухню; хмурый, как небо над головой, кузнец задумчиво пялится на правое переднее копыто каурой кобылки. Изредка убирая со лба мокрые пряди волос.

Вглядываюсь в серую пелену, нависшую над городом, пытаюсь высмотреть в ней хоть какие-то признаки окончания дождя, и не нахожу.

В этот момент из черной²⁰ двери вылетает юноша в цветах де Герренов, вжимает голову в плечи и несется в каретный сарай.

Не успевает он юркнуть в щель между створками дверей, как на втором этаже постоянного двора распаивается окно, и высунувшаяся наружу дородная дама истошно вопит:

– ...и пелерину!!!

Поплотнее запаиваюсь в плащ и решительно выхожу из-под навеса: «Осталось полтора пальца. И...»

Кривые улочки и подворотни Клоповника крайне немногочисленны: большинство жителей этой слободы так или иначе служат Ларрату²¹, поэтому возвращаются в свои дома перед самым рассветом. Однако пройти мимо нее я не могу: где, как не тут, можно наткнуться на желающих взять плату кровью?

Увы, сегодня Двуликий точно смотрит не на меня²²: за четыре часа скитаний я натыкаюсь только на парочку усталых сутенеров, одного *резака*²³ и десятков потрепанных роз²⁴. И не срисовываю ни одного даже самого завалящего насильника, грабителя или убийцы!

К полудню, до смерти устав от ненавидящих взглядов и порядком проголодавшись, улавливаю запах подгорелого мяса и сворачиваю в безымянный переулок.

Третий дом по правую руку пытается казаться постоянным двором: над его дверями приколочена самая настоящая вывеска, изображающая что-то вроде вставшей на дыбы коровы, а под ней накарябано что-то непонятное. Вроде «К... лев... й... ле... ь».

Перевожу взгляд на корову, присматриваюсь и с удивлением вижу черточки, напоминающие рога.

Хм, действительно олень.

Коновязи, кузницы и каретного сарая во дворе «Коровы» нет. Как, впрочем, и самого двора: единственными четвероногими обитателями Клоповника являются его жители. Те, которые привыкли рвать друг другу глотки по поводу и без, жрать то, что дают, и каждый вечер надираться до синевы²⁵. Поэтому все это – лишнее.

Две двери, скорее всего, тоже не нужны. Ибо я при всем желании не могу себе представить дворянина, который по доброй воле решится зайти в этот сарай...

¹⁹ Лиственей – т. е. лет. Год на Горготе на четверть длиннее земного.

²⁰ Черная дверь – дверь для простолюдинов. Белая – для дворян.

²¹ Ларрат – бог удачи, считается покровителем воров.

²² Смотрит не на меня – расхожее выражение, аналог нашего «не везет».

²³ Резак – местное название вора, промышляющего на улице. Произошло от названия короткого острого ножа, с помощью которого они срезают кошели.

²⁴ Роза – женщина легкого поведения.

²⁵ Синевы – белая горячка.

Тяну на себя ту, что посветлей, вхожу внутрь и наталкиваюсь на вышибалу – угрюмого мужика на голову выше меня, который, судя по ширине плеч, в юности был то ли молотобойцем, то ли каменотесом.

Громила оценивает мою внешность, натывается взглядом на мой посох, отшатывается и сглатывает слюну:

– Спаси и сохрани!!!

Что ж, реакция что надо.

Прохожу мимо. Останавливаюсь в шаге от ступеней, ведущих в зал, и вглядываюсь в темноту.

Лучина горит только рядом со стойкой хозяина. А весь остальной зал не освещен. Искать свободный стол вслепую мне неохота, поэтому поворачиваюсь к вышибале и негромко интересуюсь:

– Есть где сесть?

– Д-да, ваша милость! – выдыхает тот и, не дожидаясь следующего вопроса, указывает направление.

Стол и лавка на удивление чистые. Но изрезаны ножами так, что напоминают алатские резные наличники. Или дорожку Пути на моем посохе.

Провожу пальцами по столешнице и мысленно вздыхаю: нет, ощущения не те. Потом сажусь спиной к стене, опускаю котомку, прислоняю посох, поудобнее передвигаю чекан и кинжал и, подумав, откидываю капюшон: здесь, в Клоповнике, видали и не таких.

подавальщица – дородная баба раза в полтора ниже и шире вышибалы – ломится ко мне, как лось во время гона. Не замечая мелких препятствий в виде столов, лавок и сидящих на них посетителей. Широленные бедра раскачиваются, как палуба корабля в шторм, а необъятная грудь подпрыгивает вверх-вниз, пытаясь выскочить из очень низкого выреза чем-то заляпанного платья. Без толку – ладонь, ширине которой может позавидовать иной кузнец, периодически заправляет ее обратно.

– Мяса. Хлеба. Пива... – отрывисто перечисляю я. Потом кладу на стол копьё²⁶ и сдвигаю его вперед.

Баба расплывается в улыбке... и застывает. Нет, не из-за меня: ее взгляд направлен в правый угол, а в глазах не страх, а раболепие:

– Смирения²⁷, мой господин.

– Тебе того же... – отрывисто бросает ее собеседник, обходит мой стол и садится напротив.

Провожая взглядом колышущийся зад подавальщицы, неторопливо перевожу взгляд на непрошеного гостя и начинаю его разглядывать.

Седые, очень коротко стриженные волосы. Худое, скуластое лицо. Свернутый набок нос. Тяжелый, чуть раздвоенный подбородок, заросший курчавой бородой. Вислые, но довольно ухоженные усы...

Шеи не видно. Но, судя по плечам и предплечьям, особо мощной она быть не должна... Руки... руки интересные: тыльные стороны ладоней покрыты десятками мелких шрамов. Тонкие длинные пальцы с очень коротко остриженными ногтями шевелятся словно сами по себе. А на правом мизинце блестит тоненькое серебряное колечко. Вернее, перстень, в данный момент повернутый камнем вниз...

Гость спокойно ждет, пока я удовлетворю свое любопытство, потом демонстративно переворачивает перстень камнем вверх и, наконец, здоровается:

– Смирения... Или лучше сказать «Забвения»?

²⁶ Копье – мелкая серебряная монета. Равна 20 медным.

²⁷ Смирения – наше «здравствуйте».

Пожимаю плечами: попытки влезть в душу не цепляют уже давно...

– Ладно, обойдемся без приветствий, – без тени раздражения заявляет глава меллорского²⁸ братства Пепла²⁹, потом снимает с пояса кошель, вытряхивает его содержимое на ладонь и принимается складывать монеты друг на друга.

Складывает. Подравнивает получившийся столбик, а потом берет его тремя пальцами и ставит передо мной:

– Здесь десять золотых. Уходи...

Он что, сошел с ума?

Откидываюсь на стену, скрещиваю руки на груди и холодно интересуюсь:

– Ты пытаешься меня купить?

– Зачем? – удивляется мой собеседник. – Того, что ты ищешь, тут больше нет. И не будет, пока ты в городе. Слово³⁰! А это... Это мое пожертвование Двубликому.

Душу тут же сковывает лед: слово главы Серых³¹ тверже алмаза. Поэтому я снимаю с пояса кошель, развязываю его и сыпаю в него монеты:

– Я тебя слышал.

Делать в городе больше нечего. Поэтому, доев, выхожу на улицу и неторопливо бреду по направлению к Западным воротам: до заката еще далеко, значит, я могу успеть пройти по тракту не один десяток перестрелов.

Прохожу по Угольному переулку, чуть не теряю сапог в луже на Горшечной, сворачиваю на Глиняную и останавливаюсь: от постоянного двора «Три карася» и до Лобной площади колыхается море мокрых людских голов.

Дальнего «берега» не видно – он теряется в сплошной стене дождя.

Поднимаю взгляд к облакам, стираю с лица струйки воды и мысленно вздыхаю – кажется, надо идти в обход. Только вот в такую погоду Поточная превращается в самую настоящую горную речку и сбивает с ног даже коней. Идти через Кожевную слободу – слишком долго. Выходить из города через другие ворота – это лишний крюк.

Снова смотрю вверх голов, вздыхаю еще раз, поудобнее перехватываю посох и вламываюсь в толпу.

Первые локтей десять я смотрю только вокруг себя, привычно выискивая масляные взгляды и шустрые руки меллорских ловкачей. Потом реагирую на очередной слитный рев толпы и догадываюсь посмотреть на виселицу.

В петлях болтаются три трупа. Четвертый зачем-то снимают. Удивленно приподнимаю бровь: для Божественного Прощения поздновато – он мертв³². Да и веревка – цела. Для отправки на кладбище – рано: слишком свеж.

В это время стражники делают шаг назад – и один из повешенных медленно проворачивается вокруг своей оси.

Улавливаю какую-то неправильность, повнимательнее вглядываюсь в его лицо и... равнодушно опускаю взгляд: эта четверка – последняя зарубка на моем Пути.

Опускаю капюшон пониже, протискиваюсь между двумя писцами, пахнущими пергаментом и чернилами, и в этот момент вся толпа подается вперед. И замолкает...

Снова поднимаю взгляд, замечаю два сине-черных пятна, поднимающихся по лестнице, ведущей на помост, и криво усмехаюсь: надо же, монахи пожаловали.

²⁸ Мелор – город на западе королевства Вейнар.

²⁹ Братство Пепла – местное название гильдии уголовников. Членов братства иначе называют Серыми.

³⁰ Слово – клянусь.

³¹ Серый – в просторечии член Братства Пепла.

³² Божественное Прощение – помилование в случае обрыва веревки.

Первым до трупов добирается Глас Вседержителя. И тут же вскидывает над головой символ своего сана – жезл с оголовьем, изображающим солнце:

– Снимите их немедленно!!!

Стражники сглатывают слюну и угрюмо опускают взгляды. Потом один из них решается и отрицательно качает головой:

– Простите, брат Афалий, но мы не имеем права! Мы выполняем приказ его милости капитана Жерома! А это – преступники, виновные в... э-э-э... В общем, перед смертью они насильничали девицу Селинию, дочь Анвара Чирка из Кузнечной Слободы.

– Что ты несешь, солдат? – шипит монах, потом поворачивается к толпе, поднимает лицо к небу и прижимает десницу к груди: – Прости его, Бог-Отец! Ибо не ведает он истины и упивается ядом своих заблуждений!!!

Стражник стискивает пальцы на древке алебарды и делает шаг вперед:

– Девица Селиния уже опрошена. Есть два свидетеля, которые ви...

Второй монах – Перст Вседержителя – с грохотом бьет о помост своим посохом и ревет на всю площадь:

– Капитана Жерома сюда! Живо!!!

Стражник отшатывается, а братья во Свете, забыв про его существование, поворачиваются к толпе:

– Вчера вечером в Меллор пришел Двуликий...

Говорят монахи красиво: заслушиваюсь даже я. И представляю, как по ночным улицам, заливаемым нескончаемым дождем, рыскает Бог-Отступник. Как он заглядывает в окна домов и вглядывается в лица детей, освещенные свечами и лучинами. Как отшатывается от дверей тех, чьи сердца пылают Светом Вседержителя. И как помечает те, за которыми живут неверующие – те, чьи черные души могут послужить проводником его злой воли.

Рыскает, конечно же, не один: в шаге за ним крадется его верный пес – нелюдь по прозвищу Меченый. И сжимает в потных ладонях иссиня-черный Посох Тьмы.

Глас Вседержителя прерывает рассказ, делает эффектную паузу, переводит дух и продолжает всаживать в души своей паствы слово за словом:

– Двуликий силен и коварен: для того чтобы ввергнуть девицу Селинию в бездну Неверия, ему хватило всего одного слова...

Еще одна пауза, во время которой монах гневно оглядывает толпу, и его голос превращается в рык:

– Да, всего одного слова! Слова лжи, сказанного ею на исповеди! Она согрешила, но решила, что молчание способно скрыть ее позор... Скрыло! Только не от Двуликого: ощутив ее слабость, Бог-Отступник проник в ее душу, отравил кровь и лишил Посмертия!!!

Люди, стоящие вокруг меня, бледнеют и почти одновременно чертят в воздухе отвращающие знаки.

– А когда на улицу вышли эти несчастные, она уже несла в себе его суть... Призывный взгляд... влажные губы... обнаженное бедро... – Монах словно выплевывает слово за словом. – И души наших братьев во Свете поглотило всепожирающее пламя греховной страсти.

Кривлю губы в ухмылке: да, «страсть» была. На самом деле! Ибо четвертый насильник, пьяный до синевы, не слышал ни хруста перебиваемых позвонков, ни треска проламываемого черепа, ни диких криков тех, кто умирал в каких-то двух локтях от него.

– Они молили его о прощении! Однако Посох Тьмы не знает милосердия. Как и его бездушный хозяин. И выпил одну душу за другой.

– ...приблизив Нелюдь к Темному Посмертию, – еле слышно шепчет мужской голос за моим левым плечом.

Где-то на краю сознания вспыхивает почти забытая боль.

Чтобы не думать о прошлом, я привычно оглаживаю зарубки Пути и невесть в который раз за день мысленно повторяю:

«Осталось полтора пальца... Всего полтора пальца... И...»

Глава 3

Баронесса Мэйнария д'Атерн

Пятый день четвертой десятины второго лиственя

Три цвета. Серый, белый и красный. Серый клинок, с кромкой, чуть подсвеченной алым. Белые блики на белогорском³³ шлеме с роскошным красным плюмажем. И бордовая роза, лежащая рядом с серебристо-стальной латной рукавицей...

Рисунок мэтра Ланниора был безумно красив и донельзя романтичен: стоило прикрыть глаза, как перед внутренним взором появлялся могучий воин в иссеченных доспехах, восседающий на белоснежном коне и пристально вглядывающийся в полумрак трибун.

Миг, другой – и в его глазах, все еще видящих отблеск солнца на доспехах последнего поверженного противника, загоралась надежда, а с искусанных губ чуть слышно срывалось имя:

– Мэй...

– Мэ-э-эй? И что это ты тут читаешь, а?

Услышав скрипучий голос Аматы, я торопливо свернула свиток, найденный в одном из старых сундуков, и попыталась убрать его за спину. Не тут-то было: кормилица коршуном бросилась ко мне и вцепилась в плетеный шнурок с кожаной биркой, на которой были вышиты инициалы автора.

– Что это? Богомерзкие рисунки Ланниора Орнуанского? – разглядев затейливо переплетенные «Л» и «О», растерянно спросила она. А потом гневно засверкала глазами. Так, как будто я держала в руках не эскизы для вышивания, которые были в моде каких-то тридцать-сорок лиственей тому назад, а ядовитую змею.

– Что в них богомерзкого? – спросила я. – Самые обычные рисунки...

– Обычные? – Кормилица набрала в грудь воздуха, сжала сухонькие кулачки и взвыла: – Ланниор рисовал ОРУЖИЕ! То, чем твари, не верующие во Вседержителя, лишают людей жизни и надежды на посмертие!!!

– Твари? По-твоему, мой отец и Тео – твари?

– Барон Корделл уже осознал свою ошибку и теперь пытается вернуться к Вседержителю... – тоном, не терпящим возражений, заявила Амата. – А Теобальд погряз во грехе и сейчас на полпути к Отречению!!!

Я почувствовала, что задыхаюсь:

– Ты... ты...

– Убивать себе подобных – один из девяти смертных грехов! – указательный палец старики уткнулся мне в грудь, а глаза полыхнули огнем безумия. – «Тот, кто отворил кровь единой, подобен скакуну, вступившему на тонкий лед: любое движение, кроме шага назад – суть путь в Небытие! Тот, кто отворил кровь дважды и более, воистину проклят: он никогда не найдет пути к Вседержителю...»

Цитата из Изумрудной Скрижали³⁴, чуть ли не каждую проповедь повторяемая братом Димитрием, ударила по сердцу, как молот кузнеца – по панцирю светлячка. И сковала мое горло льдом.

– Тео – верный вассал короля! – справившись с собой, чуть слышно прошептала я. – Он отправился на войну только потому, что выполнял высочайшее повеление нашего верховного сюзерена.

³³ Белогорье – королевство на юго-востоке Вейнара.

³⁴ Изумрудная Скрижаль – священная книга Ордена Вседержителя.

– «Нет королей, кроме Вседержителя! – патетично воскликнула старуха. – А те, кто тщится затмить славу его, суть слуга Двуликого...»

– Его величество Шаграт – слуга Бога-Отступника? – ошалело переспросила я. – Ты вообще понимаешь, что несешь?

Амата вскинула подбородок и презрительно усмехнулась:

– Слуга! Причем один из вернейших! Ибо кто, кроме них, мог издать богомерзкий указ об особом судопроизводстве в отношении Бездушных?

Спорить с последним утверждением было трудно: о народных волнениях, которые последовали за этим указом, рассказывала не только Амата, но и отец. Поэтому я замолчала. И невольно поежилась.

Поняв, что ее аргумент подействовал, старуха потянулась к свитку, все еще зажатому в моей руке. Ее голова на миг оказалась между мною и подсвечником, и спутанные седые лохмы, не знающие гребня, вдруг вспыхнули и превратились в холодное белое *облако*³⁵! Я побледнела: Вседержитель подавал знак, проигнорировать который смог бы разве что неразумный младенец...

– Спаси и сохрани, – прошептала я, отбросила в сторону свиток и осенила себя знаком *животворящего круга*.

Не знаю, что Амата углядела в моих глазах, но гнев в ее взоре тут же угас. А она, враз забыв про мэтра Ланниора и его рисунки, ласково погладила меня по голове:

– Ну, как тут твое рукоделие?

Я взяла со стола пальцы и протянула их ей.

На эскизе работы брата Вийера желто-оранжевое солнце выглядело почти как настоящее. И, казалось, даже немножечко грело. А вот от сине-зеленой книги³⁶ почему-то веяло холодом. Видимо, поэтому символ Пути к Вседержителю я вышила целиком, а символ Познания – только наметила. Причем нитками, оттенки которых были чуть теплее рекомендованных.

Как ни странно, Амата не стала заострять на этом внимания – оставив в покое мои волосы, она провела пальцем по почти законченному корешку, перевернула пальцы, осмотрела изнаночную сторону вышивки и улыбнулась:

– Ты потрудились на славу. Поэтому можешь отложить рукоделие в сторону и начать готовиться к празднику.

Я удивленно покосилась на окно, за которым продолжал лить дождь, и угрюмо вздохнула:

– Какой может быть праздник в такую погоду?

Кормилица улыбнулась:

– К нам приехали жонглеры³⁷. И твой отец пригласил их на ужин.

Мое любимое темно-красное бархатное платье с открытыми плечами, которое я надевала в первой десятине первого снежня³⁸ на бал по случаю приезда барона Олмара Геррена, оказалось мне мало: корсет больно сдавливал грудь и не сходил на спине, рукава уже не закрывали пальцы, а подол – о, ужас!!! – демонстрировал всем желающим мои щиколотки!

Другое платье – светло-зеленое, с глубоким вырезом и кружевными оторочками – жутко топорщилось на бедрах.

Пришлось надевать третье. То, которое мне пошили к празднику совершеннолетия Тео...

Правда, стоило мне в него влезть и сделать шаг к зеркалу, как Амата вытаращила глаза и заявила:

³⁵ Облако – аналог нашего нимба.

³⁶ Солнце и книга – символы Вседержителя.

³⁷ Жонглер – странствующий сказитель, певец, часто музыкант или фокусник.

³⁸ Снежень – зима.

– В этом непотребстве я тебя из покоев не выпущу!

Я закусила губу и с трудом удержала наворачивающиеся слезы:

– Надену зеленое, зайду в трапезную раньше всех, сяду, и... никто ничего не заметит!

Кормилица посмотрела на меня, как на юродивую:

– Ты – дама! Значит, *должна* покинуть общество задолго до того, как вино развяжет языки и превратит мужчин в похотливых скотов...

Я вспомнила взгляды, которыми меня пожирала барон Олмар и его свита, и обреченно вздохнула:

– Ладно, спою себе сама...

Амата приподняла бровь и довольно улыбнулась:

– Смирение – это шаг к Вседержителю. Я счастлива, что ты приняла его душой, поэтому... сейчас принесу тебе что-нибудь из платьев твоей бабушки.

По рассказам отца моя бабушка – баронесса Катарина д'Атерн – была одной из самых известных красавиц Вейнара: ее благосклонности добивался чуть ли не весь высший свет королевства, включая первого министра, королевского казначея и камерария. Да что там королевства – к ней сватались посол Белогорья, один из сыновей короля Алата³⁹ и младший брат вождя эрратов⁴⁰! А тогдашний король Оммана⁴¹, увидев ее на одном из балов, назвал Ясным Солнышком Вейнара.

Однако несмотря на то что среди ее воздыхателей хватало писанных красавцев, известных рубак и лиц, имеющих влияние на короля, бабушка отдала свое сердце молодому герою только что закончившейся Вейнарско-Рагнарской войны. И ни разу об этом не пожалела: до конца ее недолгой жизни барон д'Атерн не отходил от жены ни на шаг.

Видимо, в благодарность за это бабушка ни разу не дала деду повода усомниться в своей верности: она игнорировала любые знаки внимания со стороны поклонников и как-то прилюдно заявила, что будет вскрывать все послания в свой адрес только в присутствии мужа.

Как ни странно, такое поведение Катарини д'Атерн больше всего бесило представительниц слабого пола: они искренне считали ее самовлюбленной выскочкой... однако пытались подражать ее манере одеваться, причесываться и даже улыбаться.

Лиственей в восемь, поняв, что ослепительно красивая черноволосая женщина, изображенная на одном из портретов в кабинете отца, и есть та самая Катарина д'Атерн, я несколько дней в буквальном смысле слова жила в зеркалах – искала в себе хоть какое-то сходство с ней. Увы, ни волосы, поднятые вверх, ни глубокое декольте, собственноручно вырезанное в детском сарафане, ни тщательно скопированная поза не сделали меня ни Ясным Солнышком Вейнара, ни чем-то похожим.

Видимо, поэтому, надев на себя роскошное темно-синее бархатное платье своей бабушки, я долго не могла решиться посмотреть на свое отражение – знала, что увижу все то же рыжеволосое, конопатое и на редкость мелкое создание с впалыми щеками, тощими плечами и костлявыми ключицами.

Потом все-таки заглянула, привычно ужаснулась и... с интересом уставилась на свое изображение.

Конечно же, за годы, прошедшие с того времени, рыжие волосы и конопушки никуда не делись. А вот щеки и плечи заметно округлились. Кроме того, бабушкино платье очень выгодно подчеркивало талию, красиво приподнимало грудь и делало меня выше, чем я есть.

³⁹ Алат – королевство на юге Вейнара.

⁴⁰ Эрраты – один из самых воинственных народов Горгота. Проживают севернее Вейнара.

⁴¹ Омман – королевство на востоке Вейнара.

Пару раз повернувшись вокруг себя, я кинула взгляд на Амату и застыла: кормилица смотрела на мои бедра и угрюмо хмурила брови. Видимо, пытаюсь решить, нравится ей мой вид или нет.

– Это платье делает тебя взрослее! – проворчала она через десяток ударов сердца.

Я потупила взгляд и незаметно осенила себя знаком животворящего круга. Вернее, мне показалось, что незаметно – не успела я закончить движение, как на лице кормилицы заиграла довольная улыбка:

– Ты права, дочка! Раз Вседержитель послал тебе это платье, значит, пришло твое время...

– Спасибо, Амата!!! – воскликнула я и бросилась ей на шею. – Я тебя так люблю!!!

– Я тебя тоже, – ответила она, легонько шлепнула меня пониже спины и добавила: – Ладно, обниматься будем потом. А сейчас займемся твоей прической.

Я обрадованно метнулась к пуфику, стоящему напротив зеркала, села... и тут же вскочила на ноги: в коридоре раздался топот подкованных сапог:

– Ваша милость, вы у себя?

– Что тебе тут надо, а, Кулак? – раздраженно рыкнула Амата. И, распахнув дверь, высунулась из комнаты.

– Его милость срочно требует баронессу к себе в кабинет! – преувеличенно громко – видимо, чтобы мне было слышно каждое слово, – протараторил десятник.

Я тут же оказалась на ногах: в его голосе звучали нотки, которых я еще ни разу не слышала!

Видимо, его тон подействовал и на Амату, так как она помрачнела и коротко поинтересовалась:

– Что-то случилось?

– Только что прилетел почтовый голубь от его величества, – угрюмо буркнул Кулак. – В Авероне мятеж.

Я выдернула из волос поддерживающие их шпильки, влезла в туфельки и, торопливо посмотрев на себя в зеркало, выскочила в коридор.

В замке было шумно, как на меллорском рынке. Или, скорее, как в военных лагерях, о которых так любят рассказывать мужчины: по лестницам носились перепуганные слуги, со стороны оружейной комнаты слышался лязг железа, этажом ниже ворочали что-то тяжелое, а выше – причитали.

Причитания доносились и с улицы – через настежь распахнутое окно Восточной башни, заглушая шелест дождя, до меня доносился многоголосый женский ор. Заглавную скрипку в котором играла Инария – жена десятника Урмана по прозвищу Ворон. Голосу ее мог позавидовать даже королевский глашатай, поэтому ее душераздирающую мольбу слышал, наверное, весь лен:

– ...И на кого же ты меня бросаешь, сокол мой сизокрылый? Что я без тебя делать-то буду, счастье ты мое окаянное? Иди же, обними меня напоследок, услада ночей моих...

Голоса «услады ее ночей» слышно не было. Видимо, он занимался делом и не обращал на вопли супруги никакого внимания.

Голосила Ворониха⁴² недолго – когда я добежала до четвертого этажа, с улицы раздался рев отца:

– Заткни жену, Ворон! А то ее заткну я...

Я перепугалась еще сильнее: отец никогда не повышал голоса на вассалов, предпочитая словам действие. В общем, еще прибавила ходу и влетела в кабинет, не постучавшись. Чуть не расквасив себе нос об отцовскую спину, затянутую в кольчугу.

⁴² Ворониха – жены получают прозвище, созвучное прозвищу мужа.

– Вы хотели меня видеть? – присев в реверансе, спросила я.
– Смирения тебе, дочка, – поздоровался он, снял со стены щит, аккуратно прислонил его к столу и повернулся ко мне. – Я уезжаю. В Аверон.

Потом оглядел меня с головы до ног и грустно улыбнулся:

– Готовилась к ужину?

Я сглотнула подступивший к горлу комок и кивнула:

– Да, отец...

Он подошел ко мне вплотную, провел пальцем по моей щеке и поцеловал в лоб:

– Ничего, вернусь – устрою пир на десятину. С музыкантами, фокусниками, акробатами... и танцами! Обещаю!

– Вседержитель с ними, с танцами! Вы, главное, возвращайтесь побыстрее, ладно?

– Я постараюсь, – вздохнул он, забросил на плечо переметную суму и поднял щит: – Значит, так: старшим остается Волод. И не сверкай глазами: в его возрасте я уже взял своего первого медведя...

– Так это вы... – еле слышно пробормотала я. – А он пока даже с Вороном не справляется...

– Ворон – боец, каких еще поискать, – усмехнулся отец. Потом снова помрачнел и с хрустом сжал кулаки: – В общем, так: с утра выставите из замка всех посторонних, включая фокусников, Бездушного и гостей брата Димитрия. По-хорошему, надо бы сделать это сейчас, да вечер и ненастье, заberi их Дзуликий.

Я похолодела: в замке был один из слуг Дзуликого! И не только был, но и должен был остаться до рассвета!!!

Перед внутренним взором тут же возникла картинка из рассказов Аматы:

Могучий воин... Косматый, как медведь... В кожаном нагруднике с нашитыми на него металлическими пластинами, кожаных штанах и сапогах... С черным посохом, сверху донизу испещренным зарубками и клевцом или чеканом на поясе... Он поворачивается ко мне, левой рукой откидывает с лица седую прядь и смотрит мне в глаза... Взглядом, в котором живет Бездна...

– Мэй! Ты меня слышишь? – рявкнул отец. И, выждав мгновение, дернул меня за плечо.

– Да, слышу, – непослушными губами вымолвила я.

Злиться он не стал. Просто поцеловал меня в лоб и грустно улыбнулся:

– Далее, пока меня не будет, держите ворота на замке. И не отворяйте их даже отпрыскам Латирданов... Единственный человек, которого можно впускать и выпускать из замка в любое время дня и ночи, – это мэтр Давер: он обещал приехать то ли завтра, то ли послезавтра с каким-то чудодейственным лекарством для твоей матери... Запомнила?

– Д-да, отец, – кивнула я и снова присела в реверансе.

Не успели отскрипеть цепи подъемного моста, как Волод, стоявший перед входом в захаб, повернулся ко мне и хитро прищурился:

– Снежного барса видела?

– Кого? – не поняла я.

– Барса! Снежного!!! – повторил он. – Сидит в одной из клеток, которые занесли в каретный сарай. А еще там есть медвежонок, здоровенный такой волчара, орел, заморская птица фараллан.

Я закатала глаза: брат *не понял*, куда и зачем поехал отец! И собирался жить так, как и прежде, то есть развлекаться и проказничать!

– Волод! В королевстве – мятеж. Отец просил присмотреть за замком... и за мамой, – поплотнее запахнув полы плаща, напомнила я.

– Замок – вот он! Что с ним делается? А мама уже спит. Кстати, Тая сказала, что сегодня отвар получился сильнее, чем обычно, и до утра она не проснется.

«Слава Вседержителю... – облегченно подумала я. – Хоть мучиться не будет...»

– А с утра фокусники уедут, – глядя в сторону каретного сарая, продолжил брат. – Значит, увидать зверинец ты можешь только сегодня. Или сейчас, или ночью. Но ночью там темно – хоть глаз выколи. Значит, надо идти сейчас.

– Сходите, ваша милость! Это интересно, – поддакнул Ворон, оставленный отцом за начальника стражи. – Только близко к клеткам не подходите.

Я подумала и согласилась.

В каретном сарае тошнотворно воняло мокрой шерстью, нечистотами и чем-то тухлым. Я поморщилась, пошире распахнула дверь, откинула капюшон плаща и с нетерпением посмотрела на Волода, пытающегося зажечь факел.

Кресало било по кремню, высекало длинные плети искр, а огонь все не занимался. Я презрительно фыркнула, и донельзя возмущенный брат продемонстрировал мне трут:

– Отсырел и не загорается...

– Дай сюда!

– Я сам! – воскликнул он, чиркнул еще раз, и трут, наконец, вспыхнул.

Дождаться, пока разгорится пламя, я не стала, а шагнула к ближайшей клетке и осторожно отодвинула полотнище, которым она была накрыта...

«Здоровенный волчара» – тощий, облезлый волк размерами раза в полтора мельче моего любимца Ворчуна – лежал у самой решетки и, часто-часто дыша, смотрел на меня. Взгляд у зверя был угрюмым и каким-то затравленным.

М-да, смотреть тут было не на что: этот «страшный зверь» явно доживал последние дни.

Когда Волод справился с факелом и подошел поближе, я обратила внимание, что шерсть у волка тусклая и свалывшаяся, на спине и задних лапах – проплешины, а бока ощутимо впали.

– Кормят его абы как... И не всегда мясом, – заметив мой сочувствующий взгляд, усмехнулся брат, днями и ночами пропадающий на псарне. – А еще двигается он слишком мало, поэтому так ослаб.

Я согласно кивнула.

– А его хозяйева, небось, едят от пуза! – возмущенно зашипел он, потом сунул мне в руку факел и набросил на голову капюшон: – Так, я – на кухню, за мясом! А ты пока посмотри на остальных...

Факел оказался довольно тяжелым и так и норовил вывернуть кисть. Поэтому я воткнула его в держатель на стене, откинула ткань со следующей клетки и восхищенно зацокала языком: зверек, сидящий в ней, выглядел как помесь рагнарского камышового кота с белкой. Только очень маленького и на редкость пушистого.

Обойдя клетку сбоку, я посмотрела на спящую мордочку «котобелки» и невольно улыбнулась: огненно-рыжее чудо забавно морщилось во сне и еле заметно шевелило усами.

– Какой же ты красавец... – тихонечко прошептала я. – Будь ты моим, я бы назвала тебя Огоньком...

Зверек открыл один глаз, лениво шевельнул ухом и, потягиваясь, вытянул перед собой одну из передних лап. Подушечки на лапе были треугольными и ужасно мягкими на вид. А между ними пробивалась беленькая шерстка.

Я приблизила лицо к клетке и легонько дунула на «котобелку». Зверек смешно сморщил носик и фыркнул. Я дунула еще раз. Чуть посильнее. И захихикала: зверек обиженно выпятил нижнюю губу и жалобно мяукнул!

– Прости! Больше не буду, – виновато пробормотала я, просунула руку сквозь прутья решетки и... вскрикнула. Щеку обожгло дуновением смерти, а через мгновение зверька отбросило к противоположной решетке... В глазнице Огонька торчала рукоять метательного ножа!

Несколько долгих-долгих мгновений я смотрела на бьющееся в агонии тельце и умирала вместе с ним. Потом в душе что-то оборвалось, а по щекам потекли слезы.

В этот момент что-то хрустнуло. Я сообразила, что человек, убивший зверька, может злоумышлять и против меня, судорожно вцепилась в висящий на поясе кинжал и устоялась на темный силуэт, возникший рядом с массивным столбом, поддерживающим крышу.

Силуэт выждал мгновение, неторопливо двинулся вперед... и вышел из тени.

Воин действительно могуч. Из-под мокрого плаща виден кожаный нагрудник с нашитыми на него металлическими пластинами, кожаные штаны и сапоги. В правой руке воина черный посох, сверху донизу испещренный зарубками. На поясе – чекан и кинжал.

Волосы – не седые, а черные. Стриженные очень коротко. На левой щеке и подбородке – многодневная щетина. На правой – жуткий шрам от ожога...

Он посмотрел мне в глаза взглядом, в котором не было ничего человеческого. Потом прошел мимо, просунул руку в клетку с «котобелкой», выдернул свой нож и одним движением стряхнул с него кровь.

«Кром по прозвищу Меченый...» – запоздало вспомнила я, вцепилась рукой в прутья решетки и изо всех сил вдавила ногти в ладонь, чтобы боль помогла мне удержаться в сознании.

Глава 4

Принц Неддар Латирдан

Пятый день четвертой десятины второго лиственя

– Ты выглядишь, как настоящий хейсар⁴³, *ашер*⁴⁴! – воскликнул Вага.

Принц Неддар затянул ремень левого налокотника, несколько раз сжал и разжал кулак, а потом продемонстрировал побратиму прядь своих волос:

– Видишь, светлые! И глаза у меня синие! То есть я – настоящий Латирдан.

– Да я не про внешность, – улыбнулся горец. – А про оружие, одежду...

Принц пару раз подпрыгнул на месте, прислушался к звукам, которые издавало снаряжение, потом проверил, как выходит из ножен кинжал, и пожал плечами:

– Не одежда красит человека, а человек – одежду, не так ли?

– А я о чем? – развеселился Вага. – Ты *двигаешься*, как хейсар, смотришь, как хейсар, дышишь, как хейсар.

– Так бы сразу и сказал, – ворчливо пробормотал Неддар. – А то «оружие», «одежда», «обувь»...

– Про обувь я ничего не говорил, ва-а-аше вы-ы-ысочество! – ехидно оскалился побратим. – Наверное, потому, что *вы* ее еще не надели.

Принц посмотрел на свои босые ноги и ухмыльнулся:

– За «вы» получишь... в печень! Вот только обуюсь. Кстати, если бы граф Рендалл увидел меня в таком виде, он, наверное, упал бы в обморок: по его мнению, наследники престола Вейнара даже в походе должны ходить обутыми, исключительно по коврам и степенно, как старейшины, разменявшие седьмой десяток лиственей.

– А по ночам – спать. Желательно в обществе законной супруги.

– Супруги-то зачем? – не понял принц.

– Как это? – притворно удивился Вага. – Ты что, до сих пор не знаешь, зачем нужны супруги и откуда берутся наследники?

– Э-э-э... нет!!! – пожал плечами Латирдан. И жизнерадостно расхохотался.

– Какой ужас!!! – Горец вытаращил глаза, потом задумчиво почесал затылок и посмотрел на походную кровать своего побратима: – Вот возьмем Карс, и я устрою тебе тренировку.

– Ты?!

– Ага! Приведу какую-нибудь прелестную пленницу, усядусь на краешек твоей кровати с мехом вина и буду помогать тебе советами.

– Знаю я твои советы, – хохотнул принц. – И помню, чем заканчиваются попытки делать по-твоему.

Вага виновато опустил взгляд и почесал поясницу, все еще помнящую «ласку» отцовского кнута.

В этот момент полог, занавешивающий вход, откинулся, и в шатер ввалился насквозь мокрый сотник Арзай по прозвищу Белая Смерть:

– Силы твоей деснице и зоркости твоему взору, *ашер*! Мы готовы.

– Отлично! – Принц торопливо натянул на ноги сапоги, закрепил на поясе моток веревки и сгреб со стола перевязь с алчигами⁴⁵. – Идем...

Сотник склонил голову, развернулся и первым выскользнул наружу.

⁴³ Хейсары – народность, проживающая на севере Вейнара.

⁴⁴ Ашер – старший брат. Уважительное обращение к вождю у хейсаров.

⁴⁵ Алчиги – ножи, с помощью которых горцы взбираются на отвесные стены домов-башен.

Граф Рендалл стоял в десяти шагах от шатра и, судя по угрюмому выражению лица, готовился к очередной попытке исполнить свой вассальный долг. Увидев принца Неддара, облаченного в кожаный нагрудник, налокотники и наголенники, он откинул капюшон плаща, возмущенно раздул ноздри и сделал шаг вперед:

– Ваше высочество! Вы не должны покидать лагерь! Это опасно!!!

– Да вы что? Правда, что ли?

Проигнорировав издевку, командующий Первой Тысячей королевства Вейнар нахмурил брови, с хрустом сжал здоровенный кулак:

– Вы – единственный наследник его величества, значит, обязаны себя беречь!

– Прежде всего я обязан заботиться о своем королевстве, то есть о тех, кто в нем проживает, – тоном, не терпящим возражений, заявил принц. – В мирное время – обо всех, а в походе – о солдатах.

– Вы – настоящий полководец, – без тени лизоблюдства сказал тысячник. – Однако...

– Граф! Давайте не будем тратить время на пустопорожние разговоры. Армией командую я. И ответственность за принятые решения тоже несу я.

– Да, но...

– Никаких «но»! Я не собираюсь штурмовать Карс в лоб! И осадить – тоже! Ибо знаю соотношение потерь между атакующими и обороняющимися. Жизни моих солдат – это самое ценное, что у меня есть, и я сделаю все, чтобы их сохранить.

Латники, стоящие по обе стороны от входа в шатер, одновременно грохнули перчатками по нагрудникам и снова превратились в статуи.

Принц усмехнулся:

– Видите, граф, даже простые воины понимают, что я прав.

– А если вылазка не удастся и вы погибнете?

– Если я погибну, то вы развернете армию и отправитесь обратно в Аверон, – рявкнул Латирдан. – И будете молить Вседержителя, чтобы он послал моему отцу еще одного сына.

– Простите, ваше высочество, но...

– Граф!!! Вы *пытаетесь* мне *перечить*?

Услышав от принца фразу, которая в устах его грозного отца всегда означала чью-то неминуемую смерть, командующий Первой Тысячи нисколько не испугался: упрямо выдвинул подбородок, нахмурил брови и потряхнул головой:

– Я делаю то, что обещал своему сюзерену!

Принц сжал пальцы на рукояти кинжала и перетек вперед:

– А я – то, что должен себе, королевству и вассалам моего отца! Поэтому мне *лучше не мешать*.

Заглянув в его глаза, тысячник сглотнул, хрустнул пальцами... и криво усмехнулся:

– Что ж, тогда я иду с вами!

– Хорошо! – мгновенно успокоившись, согласился принц. – Я вас возьму, но только в том случае, если вы сделаете вот так...

И, разбежавшись, легко запрыгнул на торчащий неподалеку валун.

Граф Рендалл подошел поближе, оценил высоту валуна и посмотрел на принца снизу вверх:

– Не касаясь руками?

– Естественно! А еще – бесшумно, – кивнул Неддар. Потом подмигнул ухмыляющемуся Ваге и так же легко спрыгнул на землю.

Тысячник провел пальцем по мокрому камню, полюбовался на слой грязи на своих сапогах и... щелкнул пальцем по нагруднику:

– В латах не запрыгну.

– А если и запрыгнете, то поднимете на ноги весь Карс⁴⁶, – кивнул принц. – Кроме того, вы привыкли сражаться в доспехах, а не в коже.

– Что ж... Тогда я буду ждать вас у ворот.

Высоченная городская стена Карса напомнила принцу скалы у Кафарского водопада: по ее поверхности сплошным потоком стекали струйки дождевой воды, из узких щелей между каменными блоками, подобно тине и водорослям, торчали травинки, а бездонный ров, воняющий нечистотами, походил на омут, в который так любила прыгать ребятня.

Усилием воли прогнав прочь воспоминания о детстве, он привычно стукнул ладонью по камню, убедился, что крошиться тот не собирается, потом сбросил с плеч бурку и передвинул на грудь перевязь с алчигами.

Вага, возникший из-за его плеча, вскинул голову вверх и удовлетворенно улыбнулся.

«Отличная погода для набега...» – «перевел» его улыбку принц. И кивнул в ответ: – «Ага!»

«Ты – первый?» – жестом спросил побратим.

«Да...» – Неддар вскинул над головой сжатый кулак и описал им небольшой круг.

Из темноты тотчас же выдвинулся конец здоровенной слеги и ткнул его в предплечье.

Представив себе завистливые взгляды вцепившихся в нее воинов, принц усмехнулся, поудобнее взялся за мокрое дерево, поставил ногу в сцепленные «стремением» руки побратима, подпрыгнул... и в мгновение ока взбежал к середине стены. Потом слега остановилась, и принцу пришлось удерживать равновесие на мокрых камнях.

Удержал. Правда, не без помощи тех, кто поднимал слегу. Потом нащупал перекладину, примотанную к слеге в двух локтях от края, и, перебирая руками, сполз чуть пониже, чтобы упереться в нее спиной.

«Все, теперь – алчиги...»

Первый клинок вошел в щель по самую рукоять. И так же спокойно вышел обратно. Пришлось вкладывать его в ножны и доставать другой. Потолще и подлиннее.

Этот пришелся впору. И застрял так, как будто являлся частью стены.

Довольно усмехнувшись, Латирдан набросил на его рукоять кожаную петлю, вдел в нее правую ногу и легонечко наступил.

Алчиг держал. Причем надежно. Поэтому принц перенес вес тела на петлю и нашарил следующую щель.

Стена была скользкой, как лед, а подходящих щелей между камнями – не так уж и много, поэтому по ней приходилось двигаться причудливыми зигзагами. Узенькая полоса между рвом и ее подножием, на которой толпились хейсары, давно пропала в темноте, звуки поглощал непрекращающийся дождь, и в какой-то момент Неддару показалось, что время остановилось. И уже никогда не двинется вперед!

Всадив в стену очередной клинок и накинув на него кожаную петлю, он задрал голову вверх... и расплылся в улыбке: до зубца стены оставалось чуть больше двух локтей.

«Добрался...» – удовлетворенно подумал он, поставил правую ногу в петлю и... промахнулся!

Нет, сорваться он не сорвался – юность, проведенная в горах, дала себя знать. Но... разозлился. На себя. И, мысленно пообещав принести в жертву Бастарзу⁴⁷ десяток откормленных баранов, попробовал еще раз.

Стопа встала на ремень, как в стремя. А взгляд тут же наткнулся на подходящую щель.

⁴⁶ Город на севере королевства Алат, недалеко от границы с Вейнаром.

⁴⁷ Бастарз – «Снежный Барс», бог-воин, покровитель хейсаров.

Бог-воин *смотрел на* Латирдана, не отводя взгляда: часового на стене не оказалось! Мало того, факел, который должен был освещать этот участок стены, оказался погасшим, и это никого не беспокоило!

Присев, чтобы не попасться кому-нибудь на глаза, принц чиркнул по предплечью выхваченным из ножен кинжалом, прикоснулся к ране губами и еле слышно прошептал:

– Кровь от крови твоей, Барс!

Потом снял с пояса моток веревки и, почти не таясь, набросил петлю на ближайший зубец.

Часовой, охраняющий подступы к надвратной башне, спал! Сидя!! Обняв алебарду и набросив на голову капюшон невесты где взятого плаща!!!

Ошалело посмотрев на струйку слюны, стекающую по подбородку «доблестного защитника» Карса, Латирдан мысленно посочувствовал начальнику городской стражи, потом опустился на колени, аккуратно положил кинжал рядом с правой ногой и, примерившись, одним движением свернул засоне шею.

Вага, тенью следующий за ним, мотнул головой в сторону двери, ведущей в надвратную башню, и растопырил четыре пальца.

Неддар кивнул, показал, что берет на себя тех, кто окажется справа, подхватил кинжал и рывком отворил дверь...

– Хамид, ты, что ли? – не поворачивая головы, поинтересовался один из воинов. И с азартом высыпал на пол игральные кости.

– Угу... – промычал принц, скользнул ему за спину, закрыл ладонью рот и вбил кинжал в глазницу карса, сидящего напротив. Потом выдернул клинок и полоснул им по горлу начавшего дергаться «говоруна».

Вага действовал так же быстро. Но только голыми руками: первому из своих двоих проломил гортань, а второму – переносицу. Потом удостоверился, что Неддару помощь не нужна, и метнулся к вороту, поднимающему герсу⁴⁸.

Накрутив на ворот оба толстых, в руку взрослого мужчины, каната, Вага удовлетворенно усмехнулся и оценивающе оглядел помещение, пытаясь понять, какое количество воинов требуется, чтобы поднять герсу максимально быстро.

– По двое с каждой стороны ворота, и по четыре человека на каждый канат... – определил принц.

Хейсар согласно кивнул. И дважды щелкнул пальцами.

В дверном проеме тут же возникло удивленное лицо его младшего брата Унгара:

– Это ты меня?

– А кого же еще? – одновременно спросили Неддар и Вага. Потом переглянулись и еле слышно рассмеялись.

– Думаешь, я не знаю, что у меня появилась еще одна тень? – поинтересовался принц. А Вага, не теряя времени, показал брату две раскрытые ладони.

Юноша нахмурился, потом понимающе кивнул и исчез. А через пару десятков ударов сердца в надвратную башню начали забегать воины...

Десять пар сильных мужских рук подняли решетку, перекрывающую выход из захаба, быстрее, чем распахнулись створки внешних ворот. Правда, чудовищный скрип, который она при этом издавала, перебудил всю городскую стражу. Но это уже ничего не меняло: к моменту, когда из дверей близлежащих казарм начали выбегать заспанные воины, Первая Тысяча была уже в городе. И пластала все, что движется...

⁴⁸ Герса – решетка.

Смотреть на стальной поток, несущийся по центральной улице Карса, принцу было скучно. Воевать пешком, да еще и облаченным в кожу – глупо. Поэтому, дождавшись, пока по захабу пронесется последний десяток солдат, он неторопливо спустился со стены, кивком подозвал к себе первого попавшегося конного посыльного и потребовал лошадь.

Посыльный взгляделся в его лицо, спешился и упал на одно колено:

– Вам письмо, ваше высочество! От вашего отца...

Глава 5

Баронесса Мэйнария д'Атерн

Пятый день четвертой десятины второго лиственя

Боли в ладонях я не почувствовала. Совсем. Видимо потому, что Бездушный, убрав нож обратно в перевязь, повернулся ко мне и уставился на меня черными и бездонными, как омут, глазами.

Я поняла, что, если он сделает ко мне хотя бы один шаг, я умру от страха. И зажмурилась изо всех сил.

Шагнул. Но не ко мне, а к выходу – еле слышно прошелестела солома, разбросанная по земляному полу, пару раз гулко стукнул окованный сталью посох, и в каретном сарае стало тихо. Если, конечно, не считать звуками шелест струй непрекращающегося дождя.

Я осторожно приоткрыла один глаз, услышала шорох по левую руку от себя и... бросилась наутек: Бездушный никуда не уходил! Он просто спрятался за одну из клеток!!!

Вылетев во двор, я, не замечая луж, добежала до входа в донжон и изо всех сил рванула на себя тяжеленную створку. Хорошо смазанная дверь подалась неожиданно легко, и я, потеряв равновесие, чуть было не села в лужу.

Кое-как удержав равновесие, я запоздало вспомнила про Вседержителя и, пробормотав «Спаси и сохрани!», нырнула в спасительный полумрак прихожей.

Как назло, в донжоне было пусто, как на кладбище в ночь Темной Страсти⁴⁹ – слуги мотались неизвестно где, а немногие оставшиеся в замке воины либо несли службу на стенах, либо отсыпались перед караулом.

Я затравленно посмотрела на улицу... и захлопнула дверь: выходить из донжона, чтобы найти Ворона, было выше моих сил. Да и что я могла ему сказать? Что слуга Двудликого забрал душу бедного зверька?

«Посоветуюсь с Аматай...» – пообещала себе я, затем вспомнила фанатичный блеск, появившийся в глазах кормилицы через месяц после появления в замке брата Димитрия, и поежилась: она могла обвинить в смерти котобелки *меня*!!!

«Увидишь Бездушного – не смотри в его глаза... – мысленно повторила я слова из Изумрудной Скрижали. – Ибо они – суть глаза Двудликого! Услышишь Бездушного – заткни уши. Ибо слова его – суть глас Двудликого! Столкнешься с Бездушным – беги! Ибо посох его – суть начало пути в бездну Неверия... Отринь Двудликого – и сделаешь шаг навстречу Вседержителю...»

«Не смотрела, не слушала и... сбежала... – облегченно выдохнула я. – Значит, винить меня не в чем...»

Потом быстренько поднялась на третий этаж, влетела в свою гостиную, изо всех сил захлопнула за собой обе створки и шепотом позвала кормилицу.

Та не отозвалась!

Я непонимающе огляделась, заметила кувшин с морсом, стоящий на столе, потом услышала потрескивание дров в разожженном камине, посмотрела на мерную свечу... и закусил губу: Амата была на вечерней проповеди у брата Димитрия! Вместе с большинством слуг, не занятых работой!!!

– Одна я тут не останусь! – решила я, вышла в темный коридор и, услышав какой-то подозрительный звук, тут же юркнула обратно.

⁴⁹ Ночь Темной Страсти – ночь, когда оба больших спутника планеты перекрывают меньший.

Никогда не задвигавшийся неподъемный засов скользнул в пазы сам собой! Потом к двери переместились тяжеленное кресло и стол.

«Теперь точно не войдет...» – подумала я. Потом прокралась в спальню, выпила полкувшина разбавленного вина, стянула с себя мокрые вещи и, оставшись в одной нижней рубашке, залезла под одеяло...

Высоченный каурый эжеребец покосился на меня лиловым глазом, пошевелил губами и всхрипнул. Потом гордо вскинул голову, посмотрел куда-то за мою спину и... встал на дыбы.

Перепахканное копыто, к которому прилип жухлый грязно-коричневый лист, мелькнуло прямо перед моим носом, а через мгновение по ушам резанул чей-то испуганный крик:

– Бездушный!!!

Я тут же развернулась на месте и похолодела: в нескольких шагах от меня стоял ОН. И, не отрываясь, смотрел мне в глаза...

Шаг... Другой... Третий... Плавное движение десницы – и покрытый зарубками Посох Тьмы пришел в движение: провернулся вокруг правой руки, скользнул по ладони левой, метнулся вперед и... проломил череп Кулаку, бегущему ко мне на помощь... Потом оружие дрогнуло, стряхнуло с себя обмякшее тело и устремилось к щиту подоспевшего Ворона.

Щеку обожгло чем-то горячим. Я вытерлась рукавом, с ужасом уставилась на пятно крови, возникшее на белоснежной ткани, потом перевела взгляд на обломки костей, торчащие из жуткой раны на голове Кулака, и попятилась...

За моей спиной что-то рявкнул Теобальд, и передо мной вдруг возник коротенький строй из воинов.

Бездушный не остановился ни на мгновение: его посох с легкостью расколол щит Урмана и клюнул его в бок.

Ворон поморщился, издал боевой клич, отбросил обломки щита, перехватил рукоять меча двумя руками... и заорал: окованный сталью конец Посоха Тьмы, только что находившийся в нескольких локтях от него, вдруг скользнул прямо под клинком, воткнулся в горло и аж загудел от удовольствия!

Хрустнуло. Звякнул упавший меч. Урман рухнул на землю... и уступил место Бездушному: шагнув в узенький промежуток между Гарматом и Изларом, слуга Двуликого с легкостью ушел от удара копьем, перехватил посох обеими руками, принял на него удар клевица, не оглядываясь, ударил ногой назад... и превратился в ураган. Окованные концы его оружия перебивали конечности и древки копий, проламывали грудные клетки и раскалывали черепа.

Упал Дрыга. За ним – Лорри. Отбитый в сторону меч Франа перерезал глотку Излару. Перепуганный Ветерок метнулся в сторону и втоптал в землю Гармата.

Потом с жутким звоном лопнул барбют⁵⁰ Теобальда и... наступила мертвая тишина.

Слуга Двуликого проводил взглядом падающее тело брата, посмотрел на меня, медленно поднял Посох Тьмы над головой и...

...и я проснулась. В холодном поту. Прижимая к груди скрученную в жгут простыню.

Темно-вишневые оборки балдахина, освещенные светом догорающей свечи, выглядели так привычно и мирно, что я облегченно перевела дух:

– Это – сон! ОН мне приснился!!!

Мятая и влажная простыня полетела на пол, дрожащие пальцы начали было успокаиваться, и в этот момент я сообразила, что слышу звуки боя!

Я свесила ноги с кровати... и сразу же нырнула под одеяло: в прихожей что-то закрипело.

⁵⁰ Барбют – шлем с Y-образным вырезом.

«Там кресло и стол...» – успокоила себя я и тут же вздрогнула – со двора донесся истошный женский крик:

– Урма-а-ан!!!

Я похолодела: в голосе Воронихи звучало отчаяние!

В прихожей раздался оглушительный грохот, а потом скрип половиц...

Рука, потянувшаяся к изголовью, шлепнула по пустому месту: кинжал остался на поясе, брошенном на пол вместе с мокрым платьем. Я приподнялась на локте... и почувствовала, что с меня сорвали одеяло.

Я открыла глаза, набрала в грудь воздуха и... онемела: надо мной склонился Кром Меченый! В рваном плаще, с ног до головы перемазанный кровью и с Посохом Тьмы в руке.

– Мама... – выдохнула я и потеряла сознание...

Удар по спине. За ним – еще два. В груди полыхнуло пламя, потом меня сложило пополам, а изо рта толчками полилась вода. Я дернулась, попробовала вдохнуть, закашлялась, открыла глаза и уткнулась взглядом в мокрую землю, заляпанную остатками непереваренной пищи.

– Мама!!!

Вскрик получился тихим-тихим. И вызвал очередной приступ тошноты.

Когда из меня прекратила выливаться вода, я почувствовала, что мне в бок упирается что-то твердое, и попыталась отодвинуться. Как бы не так: препятствие шевельнулось и переместилось под живот. Потом на спину снова опустился кулак, и меня сложило в очередном приступе кашля...

Трудно сказать, сколько времени меня выворачивало наизнанку, но в какой-то момент я вдруг поняла, что могу нормально дышать. И, услышав стук собственных зубов, почувствовала, что замерзаю.

Удары по спине тут же прекратились, мокрая и вонючая земля куда-то отодвинулась, а я в мгновение ока оказалась закутанной в мокрую, холодную и очень шершавую ткань.

– Пришлось прыгать со стены... В ров... Извините...

Смысла фразы я не поняла. Поэтому попробовала повернуть голову на голос. И кое-как справилась с непослушной шеей.

Сапоги, в которые уперся мой взгляд, были мокрыми и грязными. Голенище правого пересекал косой разрез, в котором поблескивала сталь.

«Засапозник...» – отрешенно подумала я и устало закрыла глаза – поднимать голову, чтобы посмотреть вверх, не было ни сил, ни желания.

В этот момент меня подхватили под спину и колени и подняли на руки.

– Я вас понесу... – донеслось словно издалека. И я, зачем-то кивнув, провалилась в забытье...

Пушистая еловая лапа, почти касающаяся моего лица, одуряюще пахла хвоей. И почему-то жареным мясом.

«Так не бывает... – подумала я. – Это сон...»

И попробовала перевернуться на другой бок. В горле тут же запершило, в поясницу дохнуло холодом, а локоть уперся во что-то твердое.

– Вы проснулись? – хрипло спросили у меня.

– Кажется, да, – выдохнула я и села.

Лучше бы я этого не делала: одеяло сползло вниз, и... я поняла, что это – никакое не одеяло, а подранный мужской плащ! А на мне – лишь мокрая и заляпанная кровью тонкая нижняя рубашка!!!

Я молниеносно подтянула к себе колени, замоталась в плащ и оцепенела: у небольшого костра, горящего в нескольких шагах от моих ног, сидел Кром Меченый. И угрюмо смотрел на меня.

Глава 6 Кром Меченый

Пятый день четвертой десятины второго лиственя

Из-за дрожащих рук знак животворящего круга получился похожим на снежинку. Однако повариху это нисколько не смутило: не успев его замкнуть, она вцепилась в поварешку, поскребла по дну котла и, не глядя на меня, вывалила в мою тарелку огромный кусок мяса:

– Во славу Вседержителя...

Как ни странно, от этой женщины не чувствовалось ни ненависти, ни страха, ни болезненного интереса. Значит, она искренне желала мне вернуться в лоно Бога-Отца и, кажется, готова была стать даже путеводной вехой на моем пути.

«Неужели верит?» – удивился я. И неожиданно для себя вспомнил строки из Изумрудной Скрижали: «Неси свет тому, кто слаб. Ибо каждый шаг, сделанный им из Бездны Неверия, ценнее двух твоих».

«Сказано хорошо. Жаль, что это только слова», – подумал я. И принялся за еду.

Мясо оказалось ничуть не менее вкусным, чем грибной суп. Поэтому к концу обеда я с удивлением ощутил, что ледяной панцирь, выросший на моей душе, дал едва заметную трещину. И позволил вымолвить целое слово:

– Благодарю...

Повариха вздрогнула, потом посмотрела мне в глаза и... улыбнулась:

– Вседержитель с тобой, Бездушный! Еще будешь?

Я отрицательно покачал головой и подумал: «Сыт...»

Потом встал, поудобнее передвинул чекан и потянулся к посоху...

– Бедный мальчик! – выдохнула повариха, вытерла руки вышитым рушником и... нежно провела теплой и мягкой ладонью по моей груди!

Трещинка тут же затянулась, а душа начала с треском покрываться еще одним слоем льда: интерес был. Ко мне – как к чему-то необычному. Просто оказался спрятанным очень глубоко.

Я поднырнул под ее руку, скользнул к двери и, не оглядываясь, вышел во двор.

Во дворе замка творилось что-то невообразимое. Перед входом в захаб, отбиваясь от рыдающих женщин, торопливо строились воины. Рядом с конюшней латники подтягивали подпруги у коней. Чуть поодаль, у черной двери донжона, несколько дюжих мужиков аккуратно укладывали на телеги связки арбалетных болтов, копья, щиты, походные горны, наковальни и тому подобную дребедень. И изредка порывивали на мечущихся под ногами детей. Еще дальше, у невысокой пристройки, слуги грузили на телеги тяжеленные мешки, меха и бочонки и торопливо прикрывали их от дождя просмоленной тканью.

Я задумчиво провел пальцем по зарубкам на посохе, натянул на голову капюшон, шагнул под дождь, поймал за руку пробежавшего мимо мальчишку и взглядом показал на воинов.

Озвучивать вопрос не потребовалось: добыча слегка побледнела, поклонилась чуть ли не до земли и затараторила:

– Голубь-эта-а-а, прилетел! Из ста-а-алицы! От самого короля Шаграта Латидр... Латир-дана! Тама-эта-а-а, мятеж, значица! И он-эта-а-а, требует помощи!!!

Я разжал пальцы, кивнул – мол, можешь идти, – и мальчишка, облегченно вздохнув, сорвался с места. А я изо всех сил стиснул свой посох, вскинул глаза к нависшим над замком облакам и тихонечко прошептал:

– Слышали? Уже скоро...

Лихой люд, вылезавший на большую дорогу во время войн, мятежей и народных волнений, обычно неплохо оценивал свои силы. Поэтому предпочитал грабить тех, кто слаб и не может дать сдачи. От отряда барона Корделла он должен был шарахнуть, как несущая от пробегающей мимо лисицы. И спрятаться как минимум на ночь. Опять же, перед самым закатом, да еще и в такую погоду, прохожих на дорогах бывало немного – они предпочитали проводить время в тавернах или на постоянных дворах. Поэтому выходить из замка вместе с воинами д'Атерна не было смысла.

«Покину замок на рассвете...» – решил я, обошел широченную лужу и остановился: воин, только что стоявший ко мне спиной, вдруг развернулся, положил десницу на рукоять меча и рявкнул:

– Стой!

Я остановился.

– Коня его милости! Живо!!!

Я непонимающе приподнял бровь и с запозданием понял, что это он не мне.

Из ворот конюшни выбежал конюх и, ведя в поводу каурого жеребца, понесся к белому входу в донжон.

Мгновением позже скрипнула дверь – и на улицу вышел барон Корделл. А за ним...

– Эллария! – потрясенно выдохнул я. И чуть не оглох от скрипа собственных зубов...

– *Куда это ты собрался? – сестричка достала из проруби белоснежную простынь и аккуратно опустила ее в таз с бельем.*

– *Осмотрю силки... – угрюмо буркнул я.*

– *Добытчик! – улыбнулась Эллария и потянулась за очередной тряпкой. – Что бы мы без тебя делали?*

Я посмотрел на ее негнущиеся синие пальцы и изо всех сил сжал кулаки:

– *Ты потерпи еще немного, ладно? Я уже поймал двух зайцев и лису! Еще несколько удачных дней – и у тебя появятся варезки! Теплые-теплые!!!*

– *Сошьешь сам? – не отрываясь от работы, ехидно поинтересовалась сестричка.*

– *Сам не смогу, потому что не умею... – вздохнул я. – Поэтому просто выменяю у Кривого Раздана: он пообещал, что отдаст готовые варезки за десять заячьих шкурок! Или за пять лисьих. Две я уже добыл!!!*

Сестричка выпрямилась, удивленно посмотрела на меня и... расплакалась.

– *Ты чего, Ларка? – ошарашенно спросил я. – Десять шкурок – это совсем немного...*

Сестричка смахнула со щеки слезинку и всхлинула:

– *Да я от радости!*

– *Вас, женицин, не поймешь! – подражая Браззу-кузнецу, покачал головой я. – Грустите – плачете. Радуетесь – снова плачете! То ли дело войны...*

– *Воин ты мой ненаглядный! – сквозь слезы улыбнулась Эллария, шагнула ко мне и вышла из тени от здорового дуба на свет восходящего солнца.*

– *Ты такая красивая!!! – восхищенно выдохнул я. – Твои волосы – как облако, глаза – как две маленькие звездочки! А улыбка... улыбка, Ларка, грустная...*

Огненно-рыжие волосы, две маленькие звездочки, грустная улыбка – девушка, замершая у дверей донжона, смотрела на барона д'Атерна с такой любовью, что у меня перехватило дух и остановилось сердце...

В людской было сыро и шумно – жонглеры, ожидающие, пока просохнет развешанная у камина одежда, азартно резались в кости на подзатыльники. И одновременно обсуждали возможных кандидатов на престол. Мнения, естественно, разделились, и каждая из сторон с энтузиазмом доказывала свою правоту. Впрочем, результаты бросков каждого из игроков их инте-

ресовали намного сильнее, чем наличие в жилах у упоминаемых ими дворян хоть капли крови Латирданов.

Меня не интересовало ни то, ни другое, поэтому я сидел с закрытыми глазами и заново переживал свою недавнюю прогулку до ветру.

Из каретного сарая тянуло гарью. Недоумевающе взглядевшись в щели между досок стены и не увидев сполохов разгорающегося пожара, я заглянул внутрь и онемел: Эллария... вернее, баронесса Мэйнария д'Атерн стояла у клетки со взрослым акридом⁵¹! И почти касалась лбом ее прутьев! Потом она пододвинулась еще ближе и, проигнорировав предупредительный мяв зверя, потянулась к нему рукой!!!

Я выхватил из перевязи метательный нож и бросил. Моля Дзуликого о том, чтобы он не позволил мне промахнуться.

Бог-Отступник смотрел на меня – и клинок воткнулся в глазницу самого опасного хищника Караджийских лесов за мгновение до того, как тот атаковал!

Увидев рукоять моего ножа, торчащую из глазницы акрида, баронесса д'Атерн застыла. А через несколько долгих мгновений сгорбилась и... горько заплакала!

«Может, она хотела уйти⁵²? – ошалело подумал я. Потом качнулся с носков на пятки и обратно и мысленно фыркнул: – Да нет, не может такого быть: она же белая, совсем молода и выглядит совершенно здоровой...»

Услышав хруст, раздавшийся из-под моего сапога, Мэйнария д'Атерн вцепилась в висящий на поясе кинжал и испуганно уставилась в мою сторону.

«Я – в тени. И она меня не видит...» – сообразил я и, стараясь не делать резких движений, вышел на свет.

Баронесса побледнела, как полотно. Так, как будто увидела не человека, а Темную половину Дзуликого. Потом ее взгляд остекленел, и я вдруг понял, что благодарности не дождусь...

Вопреки обыкновению, появление на посохе новой зарубки меня несколько не успокоило – прикасаясь к ней большим пальцем, я снова и снова вспоминал взгляд сестрички и... бесился оттого, что ее лицо, подернутое пеленой времени, походило на лицо баронессы д'Атерн как две капли воды!

Настроение становилось все хуже и хуже, и в какой-то момент я вдруг понял, что вот-вот сорвусь. И вымещу зло на ни в чем не повинных жонглерах. Пришлось встать, собрать вещи и отправиться спать на сеновал.

Добрался. Лег. И даже закрыл глаза. А потом понял, что не засну и тут – взгляд леди Мэйнарии рвал мне душу и заставлял раз за разом окунаться в прошлое. Туда, где не было ни баронессы, ни акридов, ни Пути...

Отвлечься от горьких воспоминаний удалось с большим трудом. И только тогда, когда я начал вслушиваться в звуки шагов, изредка доносящиеся со стороны боевого хода⁵³ крепостной стены, и начал анализировать особенности несения караульной службы вассалами барона Корделла.

Сначала я считал удары сердца, требующиеся часовому, чтобы пройти от конюшни до юго-восточной или юго-западной башни, и пытался понять, останавливается он в крайних точках своего маршрута или нет. Потом вслушался в остальные звуки, изредка доносящиеся до сеновала, и нарисовал себе полную картину происходящего.

Барон Корделл – или тот, кто командовал гарнизоном замка – выдрессировал своих воинов на славу: часовые, заступающие в караул, не останавливались ни на секунду. И звук их

⁵¹ Акрид – один из самых опасных хищников Горгота.

⁵² Уйти – здесь: покончить жизнь самоубийством.

⁵³ Боевой ход – в средневековой фортификации защищенная дорожка позади стены или башни с бойницами.

шагов доносился до меня через строго определенные промежутки времени – через сто – сто двадцать ударов сердца. Приблизительно раз в час к ним добавлялось еле слышное поскрипывание сапог проверяющего, а раз в два – уверенная поступь начальника караула и часовых из свежей смены.

Первый возникал на стене совершенно бесшумно. Умудряясь не наступить ни на одну из скрипящих ступеней лестницы, ведущей на боевой ход. И пугал как меня, так и часового. Зато о появлении последних я узнавал задолго до того, как они поднимались на стену: сначала взвизгивала дверь казармы, потом начинали скрипеть ступени, а следом за этим раздавался приглушенный вопрос часового:

– Стой! Кто идет?

И ответ начальника караула.

В час волка⁵⁴ лестница заскрипела не вовремя: всего через десять минут после смены часовых. И не так, как обычно – человек, поднимавшийся на боевой ход, пытался делать это бесшумно. Но, в отличие от проверяющего, не знал, какая из ступенек скрипит. Потом наступила тишина, а через три с лишним десятка ударов сердца в шелест дождя вплеся новый звук – приглушенный хрип.

Я вцепился в посох, выждал двести ударов сердца и, так и не дождавшись звука шагов часового, торопливо натянул на себя сапоги. А потом превратился в слух: со стены донесся еле слышный шепот:

– ...вратной башне?

– Еще нет...

– Ну, и чего ты ждешь?

Дождаться ответа того, кто только что убил часового, я не стал – перекатился к краю повети, взялся рукой за подходящую стреху и бесшумно спустился вниз.

Дверь конюшни скрипела не хуже ступенек лестницы. Поэтому я подставил ногу под створку, сдвинул ее вверх и осторожно снял с петель. Потом прислонил к ближайшей стене, осторожно выглянул во двор, увидел двери казармы и... на миг провалился в прошлое.

– Ты бился, как воин... – буркнул Круча.

Я напрягся: в его голосе звучало что угодно, только не похвала.

– Ты дал нам достаточно времени, чтобы уйти. Только такое героичество сродни глупости. Ибо если бы в караулке было не три человека, а десять, то ты лег бы через пяток ударов сердца. А вслед за тобой они порубили бы и остальных.

Я пожал плечами и, по своему обыкновению, промолчал.

Роланд набычился. Потом криво усмехнулся и постукал себя по лбу согнутым указательным пальцем:

– Хороший воин – это не тот, кто правильно машет мечом, а тот, который делает это **ВОВРЕМЯ!** Учись думать, Кром. Или ищи себе другого учителя.

Последнее предложение заставило меня скрипнуть зубами: искать другого учителя я не собирался. Поэтому я набрал в грудь воздуха и заставил себя вымолвить целых пять слов:

– Что... я... сделал... не так?

– Все! Для того чтобы помешать солдатам выйти, тебе надо было просто подпереть дверь караулки каким-нибудь дрыном. И встать у единственного окна.

Дверь казармы оказалась подперта парой оглобель. А в бойницы вставлены косы! Лезвиями внутрь. Представив себе, чем закончится попытка солдат выглянуть наружу, я почувствовал, что где-то в глубине моей души начинает пробуждаться гнев.

В этот момент лестница, ведущая на боевой ход, заскрипела снова. И опять не так, как обычно – судя по звукам, по ней спускались. Несколько человек. Очень быстро.

⁵⁴ Час волка – с двух до трех часов ночи.

Так и оказалось – через пару мгновений во двор выскользнули двенадцать сторбленных фигур. Мгновение неподвижности – и десять из них, прячась в тени каретного сарая, двинулись по направлению к белой двери в донжон. А двое оставшихся пошли к казарме.

Я прикрыл глаза, нащупал большим пальцем дорожку Пути и криво усмехнулся: Двудликий смотрел на меня широко открытыми глазами. И ждал!

Еле слышный шум, раздавшийся со стороны надвратной башни, заставил пару названных гостей повернуться ко мне спиной. Ненадолго – всего на пару ударов сердца. Но этого мне хватило за глаза – я выскользнул из конюшни, перепрыгнул небольшую лужу и вбил конец посоха в висок тому, который стоял поближе.

Дальний среагировал как-то уж *слишком быстро*: тело его товарища еще стояло, а он уже завершал разворот с одновременным разрывом дистанции и уходом от атаки!

Я здорово удивился: обычные грабители двигались иначе. И никогда не проявляли такой прыти. Значит, этого *учили*. И учили очень хорошо.

Подумав буквально пару мгновений, я прыгнул к казарме, взмахом посоха выбил обе оглобли и зацепил тревожный колокол:

– Дзын-н-нь!!!

Мой второй противник выпростал из-под плаща... меч⁵⁵!!! И бросился на меня.

Я ушел в сторону от короткого и быстрого колющего удара в горло и атаковал сам. В висок. Со стороны его левой руки. И... промахнулся: у ночного гостя замка Атерн *не было привычки* рассчитывать на щит!

Секущий удар по ногам я пропустил под собой, тычок пальцами левой руки в глаза заблокировал серединой посоха, потом сместился в сторону, уходя от серии ударов в горло, печень и пах. И атаковал сам...

Армией от него не пахло. Серыми⁵⁶ – тоже: он уходил от стандартных атак так, как будто отработывал их... именно против посоха! А еще он очень хорошо ориентировался в темноте и внимательно следил за моими ногами. Пришлось использовать удары из арсенала Роланда Кручи: дождавшись, пока он в очередной раз нырнет под удар и попытается вогнать меч мне в живот, я скрутил корпус и ударил его локтем...

В этот момент за спиной грохнула дверь, и из казармы вылетело сразу несколько вассалов барона Корделла. А со стороны лестницы, ведущей на боевой ход, раздался очередной перестук сапог!!!

– Нападение! В бойницах – косы, – не оглядываясь, рыкнул я. Потом отправил оглушенного противника к Двудликому и... упал рядом с ним!

Целились не в меня. И, конечно же, попали – один из воинов барона д'Атерна захрипел и сложился пополам.

Щелкнуло еще раз, и другой из воинов барона, наконец, догадался заорать:

– Арбалетчики!

– Всем рассыпаться!!! – подхватил кто-то еще. И атернцы дисциплинированно метнулись под защиту сарая.

Оценив их выучку, я криво усмехнулся: воинов среди них было от силы человек пять. А остальные брали в руки оружие только по необходимости...

Вылетев во двор, вторая группа «гостей» выстроилась в две шеренги и довольно резво пошла в атаку.

– В строй, живо!!! – заорал второй голос. Слишком уверенно для простого солдата. – Их всего одиннадцать!!!

Я вспомнил о первой группе и заставил себя произнести еще несколько слов:

⁵⁵ В Средневековье меч стоил очень дорого. И был далеко не у каждого воина.

⁵⁶ Кром имеет в виду наемных убийц.

– Еще десять – у белой двери в донжон.

– Спаси и сохрани! – ужаснулся он. – Баронесса Эмилия! Барон Волод! Баронесса Мэйнария!

«Она – третья, – угрюмо подумал я. – После ее милости баронессы и младшего сына барона Корделла. То есть спасут, если получится...»

Тем временем атакующие, все, как один, вооруженные мечами, врубались в строй защитников замка и с ходу зарубили троих!

«Если получится...» – эхом прозвучало у меня в сознании, а перед глазами мелькнуло рыжее облако волос Мэйнарии д'Атерн...

«Гость», бросившийся ко мне, держал меч чуть выше, чем надо. Поэтому я раздробил ему колено, а когда он опустил руки, вбил посох в переносицу. Потом сорвался с места и понесся на задний двор.

Заворачивая за угол донжона, я сбил с ног бегущего на звук боя конюха, грозно рыкнул на любопытствующего мальчишку, пытавшегося выбраться из окна людской, и... поймал за руку дебелую молодуху, испуганно выглянувшую из черной двери донжона:

– Где покои леди Мэйнарии?

Девка закатила глаза, попробовала изобразить, что падает в обморок, и... тут же пришла в сознание. От боли в запястье:

– Где???

Молодуха упрямо закусил губу и отрицательно помотала головой:

– Не скажу! Ни слова!!!

– Лишу посмертия... – зловеще улыбнувшись, пообещал я. Потом заметил темные пятна на ее груди, как раз напротив сосков, и добавил. Почти наугад: – ...Твоего ребенка!

Молодуха побледнела и сломалась:

– Т-третий этаж, ваша милость!

– Где именно?

– Н-надо п-подняться по правой лестнице... – затараторила она. – П-первая дверь – ее милости барона Волода, вторая...

– Короче!!!

– Ч-четвертая дверь слева, ваша милость!!!

– В замке – убийцы. Прячься. Вместе с ребенком... – выдохнул я. И, тут же забыв о ее существовании, ворвался в донжон...

С четвертого этажа доносились звуки какой-то возни и приглушенная ругань. Потом раздалось шипение, хлесткий звук удара и взбешенный рев:

– Вот тварь! Сопротивляется!

– Ткни ножом, не мучайся! Нужна она тебе...

– Белая кровь⁵⁷, дурень! Если есть возможность, то что б не попробовать?!

Я перебросил посох в левую руку, сорвал с пояса чекан, толкнул дверь третьего этажа... и еле успел скрутить корпус, уворачиваясь от удара в живот.

Клинок скользнул по металлическим накладкам на нагруднике, пролетел мимо и на мгновение остановился. Потом его хозяин слегка шевельнул кистью. Так, чтобы порезать меня на отводе. Но не успел – клюв моего чекана проломил ему череп.

– Коридор!!! – коротко рыкнули за его спиной, и из первой двери слева вылетело сразу двое.

Смахнув с лица капельки крови, я отшатнулся к стене, пропустил мимо себя клинок, вбил сапог в колено выставленной вперед ноги и тут же всадил чекан за левую ключицу.

⁵⁷ Белая кровь – в просторечии «дворянин» или «дворянка».

Клюв с легкостью прорвал звенья кольчуги, и фонтан крови, забивший из разорванной сердечной жилы⁵⁸, рванулся к потолку.

Рывок рукояти на себя, хруст ломающейся кости – и я толкнул оседающее тело на второго противника.

Уйти от тела он не успел, поэтому уперся в него обеими руками. И пропустил удар в голову. А я, мельком мазнув взглядом по изломанному тельцу мальчишки, валяющемуся рядом с кроватью, побежал дальше.

Дверь в покои баронессы Мэйнарии оказалась заперта. Изнутри. Скорее всего, на засов. А еще заставлена чем-то тяжелым. Оценив ширину щели между створок, я примерился и изо всех сил ударил клювом чекана по резной филенке. Та не выдержала удара и разлетелась на куски.

В то же мгновение с улицы раздался истошный женский крик:

– Урма-а-ан!!!

Я сдвинул в сторону засов, рванул на себя освободившиеся створки, потом отпихнул мешающее кресло, повесил чекан на пояс и заторопился: со стороны лестницы раздалось приглушенные проклятия, а потом – крик:

– Готтар, Рыжий! Быстрее на третий: тут Миху с парнями убили!

Я влетел в спальню, перебросил посох в левую руку, склонился над кроватью и одним движением отбросил в сторону одеяло. Потом набрал в грудь воздуха, чтобы попытаться что-то объяснить... и сокрушенно вздохнул: девушка воскликнула «Мама!!!» и потеряла сознание.

У выхода из покоев баронессы д'Атерн меня ждали. Три мечника и на редкость мордастое создание, от которого на перестрел разило Орденом. Увидев меня, первые трое ринулись в атаку, а «создание» юркнуло за распахнутую створку и завизжало:

– Это Бездушный! Убейте его, убейте!!!

Я толкнул на атакующих перевернутый стол и, пока они от него уворачивались, аккуратно опустил баронессу на диван. Потом привычно провел большим пальцем по Пути, выбрал цель и ударил. Заставив посох скользнуть по руке и выдвинуться вперед почти на всю длину.

Воин, атаковавший первым, *тоже знал*, что такое посох. И отработанным движением убрал с линии атаки правую ногу. А потом попытался рубануть мечом вдоль древка. Чтобы перерубить мне пальцы.

Отличная контратака против стандартной связки. Только вот я бил не так, как все. А дальше, чем обычно. Не в переднюю⁵⁹ ногу, а в заднюю. Поэтому раздробил ему колено. А когда он почувствовал боль и на мгновение ушел в свои ощущения, я чуточку подал левую ладонь вверх. И конец посоха на уходе очень жестко зацепил его мужское достоинство.

Воин заорал, как резаный, вцепился в срамное место и упал. А я метнулся в сторону, уходя от одновременной атаки в голову и колено. И пытаюсь достать того, кто показался мне менее шустрим.

На колющий удар в горло воин, оказавшийся справа, среагировал «как учили» – смещением вперед – в сторону и атакой под мышку. То, что конец посоха «дрогнет» и раздробит его левое плечо, он не ожидал. Так же, как и второго короткого удара – под ухо.

Меч воина слева прорезал плащ в непосредственной близости от моего бока. И на возврате чиркнул по нагруднику. Кожу не прорезал, но заставил шевелиться быстрее.

Я ускорился – ушел в сторону, нанес два круговых удара, заставивших воина сначала присесть, а потом подпрыгнуть, и... ударил во время приземления. Дважды. По предплечью мечевой руки и в лицо. Точнее, в переносицу. Та сухо хрустнула и проломилась...

⁵⁸ Сердечная жила – так на Горготе называют аорту.

⁵⁹ «Передняя нога» – та, которая выставлена вперед (термин в боевых искусствах).

На правую лестницу я соваться не стал – там было слишком шумно и людно. Попробовал спуститься по левой. И не прогадал – до первого этажа удалось добраться без всяких проблем. А когда я был в каком-то десятке шагов от черной двери, Двуликий вдруг взял и отвлекся:

– Бездушный! Уходит!! Через черную дверь!!!

Узнав голос мордастого, я повернул к нему голову и дернулся! Вовремя: в стену рядом с моей головой воткнулся арбалетный болт!

Я перехватил посох рукой, которой придерживал взваленную на плечо баронессу, потянулся к перевязи с ножами и... тут же выскочил на задний двор – за спиной мордастого нарисовались еще два арбалетчика.

Дорога от черной двери и до лестницы, ведущей на боевую галерею, оказалась устлана трупами. Воины, пробравшиеся в замок, не щадили никого. И пластали они не только воинов и слуг, пытавшихся защитить замок своего сюзерена, но и детей, которые только начали ходить!

«Не армия и не Серый люд... – взбегая по ступенькам, подумал я. Потом вспомнил мечи, схожую технику ведения поединка у всех, с кем мне пришлось сражаться, и на мгновение остановился: – А кто еще?»

– Вот он! На галерее!!!

По двору заматывались тени, и мне стало не до раздумий – я преодолел последние три ступеньки, вылетел на галерею, уронил на лаз тяжеленный деревянный щит и ногой задвинул засов. Потом добежал до юго-восточной башни, опустил баронессу на каменный пол и вернулся на стену. Искать ту самую веревку, по которой на стену залезли нападающие.

Увы, найти ее мне оказалось не суждено – то ли она была закреплена на зубцах другой стены, то ли ее успели поднять. Поэтому, когда со стороны лестницы раздались частые удары топоров, я решил уходить по-другому – нашел доску, с помощью которой во время осады защитники замка перебирались на осадные башни, выдвинул ее за стену и закрепил предназначенным для этого металлическим прутом. Потом дошел до края, посмотрел вниз и криво усмехнулся – благодаря непрекращающимся дождям воды во рву было предостаточно...

Удар о воду выбил из меня дух. Поэтому я потерял ориентацию в пространстве и первые несколько мгновений после того, как пришел в себя, плыл куда угодно, но не к поверхности. Наконец, сообразив, что плыву не туда, я выдохнул половину воздуха, дождался, пока ноги коснутся дна, крепче прижал к себе безвольное тело леди Мэйнарии и оттолкнулся.

Увы, дно рва оказалось заиленным – я чуть было не потерял сапоги...

Вынырнул. На одном упрямыстве. Борясь с желанием вдохнуть воду, с тяжестью тела баронессы и с посохом, привязанным к спине и здорово мешающим плыть. Но, вдохнув чистый и донельзя сладкий воздух, вдруг почувствовал такую слабость, что, доплыв до края рва, не смог найти в себе силы, чтобы за него зацепиться. Пришлось вбивать в землю метательный нож, виснуть на его рукояти и переводить дух.

Перевел. Потом кое-как выбрался из воды, выволок за собой баронессу и... понял, что она не дышит!

Потряс. С трудом сообразил, что тряска тут не поможет. Кое-как перевалил ее через колено и принялся размеренно стучать кулаком по спине. Так, как когда-то учил Круча.

Не сразу, но помогло – из ее рта толчками полилась вода, а минуты через полторы я услышал хриплый вздох, кашель и еле слышный шепот:

– Мама...

Я дал ей прокашляться и ударил по спине еще несколько раз.

Когда баронессу перестало рвать водой, она сжалась в комок и застучала зубами. Я, подумав, завернул ее в свой мокрый плащ: согреть он не согревал, но мог защитить хотя бы от холодного ветра...

Бледная, с синими губами и слипшимися волосами, она была так похожа на Элларию, что я сглотнул подступивший к горлу комок и пробормотал:

– Пришлось прыгать со стены... В ров...

Потом сообразил, что разговариваю с баронессой, и добавил:

– Извините.

Леди Мэйнария с трудом повернула голову и... обессиленно закрыла глаза.

Сердце резануло болью. Я скрипнул зубами, проверил, насколько хорошо закреплен посох, и поднял баронессу с земли:

– Я вас понесу.

Она еле заметно кивнула. Потом прижалась щекой к моей груди и... заснула!!!

К рассвету я окончательно выбился из сил. И, выбравшись на берег ручья, вломился в бор. Видимо, Двудликому я еще не надоел, так как буквально через три десятка шагов передо мной возникла небольшая полянка, со всех сторон окруженная вековыми елями.

Нырнув под ветви самой большой, я подошел вплотную к стволу, осторожно опустился на колени и положил баронессу на самое лучшее «ложе», которое можно найти в лесу – толстый слой слежавшейся хвои. Потом забросал ее таким же «одеялом» и... с трудом заставил себя встать.

«Я скоро», – мысленно пробормотал я и быстрым шагом двинулся обратно к ручью.

Небольшая деревенька, замеченная мною по дороге, как раз начала просыпаться – лаяли собаки, мычала скотина, изредка громыхали двери. Я добрался до крайней избы, перескочил через невысокий заборчик и тихонечко постучал в раму затянутого бычьим пузырем окна.

– Лапоть, ты, что ли? И чего ж тебе не спится-то, Двудликий тебя забери? – В женском голосе, раздавшемся из избы, звучала безысходность.

Я подошел к двери, перехватил посох левой рукой, снял с пояса кошель и достал из него золотую монету – остатки добычи, доставшейся мне «в наследство» от обидчиков предпоследней «зарубки».

Дверь скрипнула, открылась, и из сеней раздался угрюмый вздох:

– Ну, что встал-то? Заходи уже, окаянный.

Я пожал плечами и вошел в избу.

– Ой... Бездушный!!! Спаси и сохрани, Вседержитель! Спаси и сохрани!!!

Осенив себя знаком животворящего круга, заспанная тетка листовеней эдак тридцати вытаращила глаза, набрала в грудь воздуха, открыла рот и... сглотнула. Невесть как разглядев цвет монеты, лежащей на моей ладони.

– Сухую рубаху... а лучше две. Поесть... Кремень, кресало, трут... Пустой мех... – потребовал я.

Хозяйка избы несколько раз кивнула и, не отрывая взгляда от золотого, попятилась к стоящему рядом с печью сундуку.

Крышка с грохотом ударилась о стену, и тетка, выхватив из него какую-то беленую тряпку, негромко пробормотала:

– Мужнина, покойного ему Посмертия... Правда, боюсь, маловата тебе будет...

– Не мне... Пойдет... – буркнул я и в мгновение ока обзавелся парой нижних и одной верхней рубахой. Правда, все это было изрядно поношенным, но чистым. И, главное, сухим.

– Котомка есть?

– Есть! Как же не быть-то? – Тетка сорвалась с места, походя перевернула рассохшийся табурет и метнулась к полатам. – Вот! Держи.

Я положил монету на подоконник, затолкал рубахи в котомку и устался на хозяйку:

– Поесть... Кремень, кресало, трут...

Та бросилась к печи, вытащила из нее чугунок и с грохотом поставила его на стол:

– Есть каша из бобов... Позавчерашняя... Еще кусок сыра и краюха хлеба...

– Возьму хлеб и сыр. Курицу или поросенка найдешь?

– Сейчас!!! – Тетка метнулась к выходу из избы и, не одеваясь, вылетела во двор. Там что-то грохнуло, потом раздался истошный визг и приглушенные проклятия.

Добравшись до полянки, я удостоверился, что леди Мэйнария все еще спит, быстренько разжег костер, разделал поросенка, нанизал куски мяса на прутья и пожарил мясо. Потом забрался под еловые лапы, присел рядом с баронессой и осторожно прикоснулся к ее ноге.

Ее милость тихонечко вздохнула, попробовала перевернуться на другой бок и шарахнулась локтем о корень.

– Проснулись? – спросил я.

– Кажется, да! – ответила она и села. Потом уставилась на свою рубаху, побледнела, молниеносно закуталась в плащ, а потом уставилась на меня.

Видеть ужас в ее глазах было невыносимо. Поэтому я опустил взгляд, развязал котомку и пододвинул ее к ней:

– Сухие рубашки... Переоденьтесь...

Леди Мэйнария промолчала.

Я пожал плечами, повернулся к ней спиной и выбрался из-под ветвей:

– А я пока нарежу хлеб и сыр.

Через пару минут из-за моей спины раздался тихий шорох хвои, а потом – все ускоряющийся топот...

Я вытер кинжал, вложил его в ножны. Потом встал, со вздохом подобрал посох и неторопливо побрел следом за беглянкой. Моля Дзуликого, чтобы он не позволил ей сверзиться в какой-нибудь овраг и уберег от переломов и растяжений...

Глава 7

Брат Ансельм, глава Ордена Вседержителя

Шестой день четвертой десятины второго лиственя

Вылетев из метателя, пятиведерный⁶⁰ камень описал высоченную дугу и вдребезги разнес мощный четверик⁶¹. Тяжеленные бревна длиной в десять локтей разлетелись в разные стороны, а над остатками венца⁶² повисло облако из пересушенного мха и кусочков войлока⁶³.

«Ничего себе!» – удивленно подумал его преподобие. Потом прищурился, поймал ускользающую мысль... и с трудом удержался от довольной усмешки: его идея проверять слухи о деятельности всяких чудаков только что дала ему шанс распространить влияние Ордена на весь Горгот!

Тем временем брат Бенур, командовавший обслугой метателя, повернулся лицом к главной башне Обители, вскинул над собой десницу и демонстративно сжал ее в кулак.

«Отлично!» – подумал брат Ансельм, придал лицу подобающее случаю выражение и отошел от окна.

Все три иерарха, ожидающие, пока глава Ордена составит впечатление о метателе, были мрачны, как грозовые облака. А обвиняемый – сын кузнеца из Мартана по имени Кольер – бледен, как выбеленное полотно.

Добравшись до своего кресла, брат Ансельм сел, положил правую ладонь на символ солнца, левую – на Изумрудную скрижаль и вперил немигающий взгляд в переносицу изобретателя:

– Рассказ обвинителя соответствует действительности.

Юноша сгорбился и обреченно вздохнул.

– Брат Рон?

Брат Рон, исполняющий обязанности обвинителя, неторопливо встал, подошел к своей «жертве» и изобразил отвращающий знак:

– Братья во Свете! Как мне кажется, Кольер из Мартана одержим Двудликим, ибо, создавая это непотребство, он знал, что оно предназначено исключительно для убиения детей Его. Поэтому он заслуживает Великого Отлучения. И семи лиственей Воздаяния на серебряных рудниках...

Изобретатель побледнел и зажмурился – видимо, знал, что даже самые здоровые мужчины, попав на рудники, выдерживали там не больше года!

«Ну!!! – нетерпеливо подумал брат Ансельм. – Шевелись!»

Изобретатель шевельнулся: закрыл лицо руками, сгорбил плечи и, наконец, вспомнил о «совете» брата Бенуара – повалился на пол и вытянул скованные руки по направлению к главе Ордена Вседержителя:

– Ваше преподобие, это какая-то ошибка: метатель создан, чтобы защищать! Защищать города, замки и монастыри от тех, кто служит Двудликому! С его помощью можно *сохранять* жизни мирных жителей, не позволяя убийцам уносить их в Небытие...

«Молодец! – подумал брат Ансельм. – Давай дальше...»

⁶⁰ «Ведро» – мера веса. Порядка 8 кг.

⁶¹ Четверик – сруб прямоугольной формы.

⁶² Венец – нижний ряд сруба.

⁶³ Мох и войлок – традиционные теплоизоляционные материалы, используемые для утепления пазов.

– И я совсем не одержим, ибо верую во Вседержителя! Верую всей душой и всем сердцем! И чтобы доказать это, я готов провести всю свою жизнь в каком-нибудь из монастырей Ордена. Дабы остальные мои изобретения появлялись на свет под присмотром служителей Бога-Отца.

«Задумчиво» посмотрев на обвиняемого, глава Ордена осенил себя знаком животворящего круга, дождался, пока все присутствующие повторят его жест, и шевельнул рукой, лежащей на символе Изумрудной Скрижали:

– Брат Рон?

– Да, ваше преподобие!

– Рвение, направленное на искоренение следов Двуликого, достойно уважения. Однако в данном случае ты слегка поторопился и нарушил одну из главнейших заповедей Вседержителя.

– «Нет ничего превыше справедливости?» – склонив голову, «догадался» обвинитель.

– Именно! Поэтому следующие два месяца ты проведешь в молитвах: будешь просить Бога-Отца ниспослать тебе ясность ума и остроту мысли...

Иерарх смиренно скрестил пальцы на животе, посмотрел в небо и «с душой» произнес ритуальную фразу:

– Благодарю тебя, о Великий, за то, что уберег меня от ошибки и не дал покарать невинного!

Дождавшись, пока он договорит, брат Ансельм посмотрел на воспрянувшего духом изобретателя и добавил:

– Да, и еще! Я думаю, что будет справедливо, если первые шаги в Ордене брат Кольер сделает с твоей помощью. Думаю, что если ты проявишь достаточно старания, то он сможет еще больше укрепиться в Вере и направить свои помыслы в русло истинного Созидания.

Когда донельзя счастливого изобретателя вывели из зала и закрыли за ним дверь, брат Рон стер с лица благообразную мину и усмехнулся:

– Да-а-а... Как мало нужно для того, чтобы заставить человека добровольно отказаться от радостей жизни.

– И как здорово, что немногие это понимают, – в унисон ему добавил брат Ансельм. А потом посерьезнел: – Значит, так! Брата Кольера и его метатель отправишь в Парамскую обитель. Естественно, под хорошей охраной. Всех, кто имел отношение к созданию этого оружия и видел его в деле, – туда же... Тех, кто тверд в вере, привлечь к работам. Остальных... Остальные не нужны... Далее, ко второму травнику⁶⁴ вы должны собрать три десятка таких же метателей и подготовить соответствующее количество стрелков... Кстати, о стрелках – на эту должность отбирай только тех братьев, кто беззаветно предан Ордену... и лично тебе!

– Понял, ваше преподобие! – кивнул брат Рон.

– Что еще? Ах да: продумай, на чем будут перевозиться метатели в походах и кто их будет охранять и чинить.

– Понял, ваше пре...

– Не перебивай! – рыкнул брат Ансельм. Потом заставил себя успокоиться и продолжил: – И последнее: после того, как парамцы соберут первый метатель, отвези его к брату Малюсу в Берн – мне надо, чтобы он создал подходящую емкость под «Огонь Веры».

Иерарх вытаращил глаза:

– Спаси и сохрани!!!

Глава Ордена удовлетворенно хмыкнул и проворчал:

– Надо же, догадался!

Брат Рон почтительно склонил голову:

⁶⁴ Травник – лето. Ко второму травнику – «ко второму месяцу лета».

– В который раз поражаюсь вашему умению соединять несоединимое и использовать получившееся чудо на благо Ордена!

– Мне положено, – усмехнулся брат Ансельм. А потом повернулся к брату Фариду: – Какие новости из Вейнара?

Иерарх поднял взгляд к небесам, осенил себя знаком животворящего круга, сложил руки перед грудью и трагически вздохнул:

– Его величество Шаграт второй, Латирдан, отдал душу Вседержителю...

Увидев дурашливую улыбку, заигравшую на губах брата Фариды, глава Ордена почувствовал, что его охватывает гнев. И нехорошо усмехнулся:

– Скажи-ка, а с чего это тебе так весело?

Улыбка тут же исчезла. Уступив место легкой бледности:

– Латирдан умер именно так, как требовалось. То есть *после того*, как отправил письма своему сыну и вассалам. Все его сторонники, находившиеся во дворце, убиты, а сам дворец перешел под полный контроль графа Варлана и его сторонников. Далее, не без нашей помощи захвачены замки Фьорн, Ож, Саммери, Голон, Геррен...

Его преподобие чуть не задохнулся от бешенства:

– И это ты считаешь поводом для веселья? Скажи, принца Неддара уже убрали?

– Пока нет.

– А графа Мирдиана Улирейского?

– Н-нет...

– А графа Грасса Рендалла, барона д'Атерна и барона д'Ожа?

– Н-нет! Но...

– Королевство Вейнар – это не выживший из ума Шепелявый⁶⁵, а эти четыре его военачальника и принц Неддар! – прорычал брат Ансельм, потом запоздало сообразил, что окно башни открыто, а значит, его голос разносится по всей Обители, и продолжил в два раза тише: – Вейнарский Лев вырос среди хейсаров. Поэтому для того, чтобы начать им манипулировать, надо очень постараться. То есть подвести к нему человека, который умеет держать в руке меч лучше, чем граф Мирдиан и все остальные его военачальники... На это нужно время. А его у нас нет...

– Подвести такого человека крайне сложно. А подкупить или шантажировать тех, кто его окружает сейчас, почти нереально: девять десятых его окружения – это хейсары. А эти ненормальные помешаны на понятии «верность»... – неодобрительно покосившись на брата Фариду, хмуро пробормотал брат Рон. Потом подумал и добавил: – Но самое плохое не это: Вейнарский Лев верит не во Вседержителя, а в Бастарза. Поэтому, сев на трон и разобравшись с первоочередными проблемами, он очень быстро задумается о расширении королевства, попробует собрать армию и... сообразит, что излишнее миролюбие его вассалов – следствие влияния нашего Ордена!

– Именно! – кивнул брат Ансельм. – Поэтому он взбесится и выметет нас из Вейнара поганой метлой!

– Письмо от отца он уже получил, – виновато пробормотал брат Фарид. – И выехал из лагеря...

– Не меньше, чем с сотней хейсаров, не так ли? – с сарказмом уточнил глава Ордена Вседержителя.

– Да, ваше преподобие!

– И ты думаешь, что люди графа Варлана смогут справиться с таким количеством сумасшедших горцев, не боящихся ни Вседержителя, ни Дзуликого?

⁶⁵ Шепелявый – прозвище короля Шаграта.

– Да, ваше преподобие, уверен! Так как отправил им на помощь три сотни братьев из Иверской обители...

Три сотни монахов из сильнейшей обители Рагнара⁶⁶ были силой. Поэтому глава Ордена Вседержителя слегка успокоился и повернулся к брату Ламму:

– А что у тебя?

Иерарх пожал плечами и ослепительно улыбнулся:

– В Оммане все отлично. Король Ладвир⁶⁷ возжелал придать вере во Вседержителя статус государственной религии и уже назначил дату церемонии Воссоединения⁶⁸. Так что в первую десятину первого травника это королевство станет нашим. Кроме того, позавчера благодарный монарх отписал Ордену очередной лен...

– Какой именно? – заинтересованно спросил брат Ансельм.

– Графство Месс, ваше преподобие, – ухмыльнулся монах. И, отвечая на незаданный вопрос, добавил: – Карантин, объявленный там в конце четвертого снежня, снят. По причине скоропостижной кончины его светлости графа Дарнеила Месса – увы, несмотря на старания лучших лекарей королевства, спасти беднягу не удалось. Да и членов его семьи – тоже.

– А что с женитьбой принца Бальдра?

– С этим чуть посложнее, – вздохнул брат Ламм. – Сваты уже в Белогорье. Но аудиенции пока не добились – Седрик⁶⁹ Белоголовый, видите ли, не представляет свою дочь замужем за Диренталем-младшим!

– М-да... Чувствую, с ним мы еще намучаемся...

– Справимся, ваше преподобие! – хором воскликнули иерархи. И, описав животворящий круг, добавили: – С помощью Вседержителя...

⁶⁶ Рагнар – королевство на северо-востоке Вейнара.

⁶⁷ Король Ладвир четвертый, Диренталь по прозвищу Набожный – король Оммана.

⁶⁸ Воссоединение – торжественное название церемонии принятия какой-либо религии в качестве государственной.

⁶⁹ Седрик Белоголовый – король Белогорья.

Глава 8

Баронесса Мэйнария д'Атерн

Шестой день четвертой десятины второго лиственя

Тщательно промыв порез в ледяной воде, я смахнула со щеки злые слезы и обессиленно опустила на камень: ногу надо было срочно показывать лекарю. Или хотя бы перевязать.

Только вот лекаря поблизости не было. И перевязочного материала – тоже. Или... был?

Сообразив, что для перевязки можно использовать кусок подола, я вцепилась в него руками и рванула изо всех сил. Хрустнуло – и рубашка порвалась. По шву. Обнажив ногу до середины бедра.

Я густо покраснела, вскинула голову, чтобы оглядеться по сторонам, и... застыла: в нескольких шагах от меня стоял Бездушный! И угрюмо смотрел на мою стопу.

Увидев, что я его заметила, он неторопливо подошел ко мне вплотную, присел на корточки и усмехнулся!!!

Если бы у меня оставались силы, я бы точно вцепилась ему в глаза. Ибо смотреть, как он радуется моей беспомощности, было невыносимо.

Впрочем, сил не было. Совсем. Поэтому я обреченно смотрела, как он наклоняется к моей ноге, хватая ее за щиколотку, а другой рукой разводит края раны...

Когда стопу обожгло болью, я не выдержала и зашипела:

– Больно же!!!

А потом попробовала вырваться.

С таким же успехом можно было пытаться остановить реку или душить столетний дуб. Нелюдь не обращал на мои рывки никакого внимания. И осматривал ногу ровно столько времени, сколько считал нужным.

Осмотрел. Потом вытащил из ножен кинжал и... отрезал от моего подола кусок в две ладони шириной!

Мне тут же стало жарко – мало того, что насквозь промокшая рубашка липла к телу и не скрывала практически ничего, так теперь еще и ноги оказались обнаженными!

Пялиться на мои колени Меченый не стал. Видимо, потому, что они давно посинели от холода, были покрыты жуткими пупырышками и делали меня похожей на оципанную курицу.

Я разозлилась еще больше и... вдруг поняла, что собиралась выходить из лесу именно в таком виде!

Меня бросило сначала в жар, а потом в холод: после такого позорища я могла забыть не только о хорошей партии, но и вообще о замужестве – привести в жены девушку, выставившую себя на всеобщее обозрение, побрезговали бы даже золотари.

Тем временем слуга Двуликого зашел по колено в воду, достал со дна горсть песка, зачем-то насыпал его на тряпку и принялся ее мять. Потом прополоскал ее в стремнине и вернулся ко мне.

Я тут же подтянула к себе пораненную ногу и закрыла рану ладонью:

– Не смей! Ты внесешь заразу!!!

Никакой реакции: присев на корточки, он снова поймал меня за стопу и перевязал. Потом встал, каким-то образом закрепил посох за спиной, без особого труда поднял меня на руки и вломился в лес.

Обратного пути я практически не запомнила – меня трясло. И не от холода – от груди Бездушного тянуло жаром, как от камина в моей спальне, – а от дикого, ни с чем не сравнимого ужаса перед тем, что меня ждет на поляне. Боясь пошевелиться, я с надеждой вслушивалась

в окрестный лес, пытаюсь уловить звуки охотничьего рога, собачий брех, лошадиное ржание или хотя бы перестук топоров, но, увы, в этот день Вседержитель смотрел не на меня. И единственное, что я смогла услышать, – это звук дыхания Бездушного и биение его сердца.

Кострище, прячущееся среди высоченных елей, возникло передо мной как-то внезапно: за мгновение до этого я пыталась убедить себя в том, что Бездушный потерялся и теперь топает наобум. А значит, думать о жертвоприношении еще рано. Но за высоченными елями появился просвет, и мы вышли на ту самую поляну.

Я задержала дыхание и приготовилась к самому худшему.

И поторопилась – Меченый снова посадил меня на свой плащ и пододвинул ко мне котомку:

– Сухие рубашки. Переоденьтесь.

В этот раз в его голосе прозвучали такие жуткие нотки, что у меня затряслись колени, а по спине потекли капельки холодного пота.

Догадавшись, что встать я не в состоянии, Бездушный рывком поставил меня на ноги, вытащил из котомки чистую рубашку и вложил ее мне в руки. Потом повернулся ко мне спиной и рыкнул:

– Жду!

Я зачем-то кивнула, судорожно скомкала ткань и... уткнулась носом в Посох Тьмы. Вернее, в тот самый Путь, о котором нам столько рассказывал брат Димитрий:

«Посох Тьмы – это средоточие души, выпитых слугой Двуликого. Центральную часть такого посоха называют Путем. Путем к Темному Посмертию. Каждая зарубка на этом Пути – человеческая жизнь, лишенная Света. Чем больше зарубок на Посохе Тьмы – тем сильнее его хозяин. И тем ближе он к Двуликому...»

«Путь» Крома Меченого был покрыт зарубками практически целиком. Значит, Нелюдь стоял на грани Темного Посмертия... и давно разучился прощать.

«Молить его о пощаде бесполезно...» – с ужасом подумала я. Потом оторвала взгляд от Посоха Тьмы, зачем-то посмотрела на кострище и... с ужасом уставилась на прямую черту, начертанную рядом с ним.

«Будущая руна!!!» – догадалась я. И вспомнила то, что о них рассказывал брат во Свете:

«В день, когда Нелюдь отдает свою душу Двуликому, он получает в дар Посох Тьмы, умение убивать и... сильнейшую боль. Эта боль во много раз сильнее, чем любая другая, поэтому первые десятины и даже месяцы с начала служения Богу-Отступнику Бездушные выглядят подавленными и частенько не понимают, что с ними происходит. Однако стоит им первый раз забрать чужую жизнь – и к ним приходит понимание: чтобы избавиться от Боли, нужно отдать ее другому! И они начинают не просто убивать, а мучить...»

Чем сильнее боль, которую испытывает жертва, тем длиннее передышка. Поэтому самые нетерпеливые слуги Двуликого вытягивают чужие души не просто так, а в процессе особого ритуала, называемого Испепелением Души: уводят жертву в безлюдные места, укладывают ее головой на север, вырезают на ней и вокруг нее перевернутые руны и начинают терзать ее плоть. Кстати, говорят, что во время Испепеления Души жертвы стареют на глазах и сходят с ума. А Бездушные, наоборот, молодеют.

Вы когда-нибудь видели Бездушного на второй день после появления на его посохе свежей зарубки? Нет? А я видел! И до сих пор вижу... в своих ночных кошмарах! Только представьте себе эту картину: на бесстрастном лице слуги Двуликого появляется счастливая улыбка, морщины на лбу разглаживаются, а в глазах начинают мелькать искорки безумного смеха! Они радуются дню без боли. И даже могут связно говорить...»

Рука Бездушного мелькнула перед моим лицом, а потом над ухом раздался его громоподобный рык:

– Переоденьтесь, застудитесь!!!

Я покорно кивнула и, не отрывая взгляда от той самой черты, кое-как сняла с себя мокрую рубашку. Затем расправила ту, которую он мне вручил, и, не разбирая, где зад, а где перед, натянула ее на себя.

То, что все это время Меченый, не отрываясь, смотрел на меня, нисколько не задевало: что мне было до какого-то там стыда? Ведь у меня вот-вот должны были забрать ДУШУ!

Оглядев меня с головы до ног, Кром влез в свою котомку, достал из нее вторую рубашку и зачем-то натянул ее на меня поверх первой. Причем задом наперед.

Я не сопротивлялась, ибо понимала, что противостоять Бездушному, вошедшему в полную силу, все равно не смогу.

– Разведу костер! – буркнул он, повернулся ко мне спиной и вытащил откуда-то кресало.

Я стояла неподвижно, как манекен для платьев, и безучастно смотрела на искры, вылетающие из-под его рук.

Вспыхнул трут. Кучка сухой хвои. Несколько мелких веточек. Горка веточек потолще и покрупнее. Заалел почти прогоревший уголек. За ним второй, третий, четвертый... Потом появился свет.

А в моей душе становилось все темнее и темнее. И в какой-то момент, поняв, что не ощущаю ни дуновения ветерка, ни холода, ни боли, я почему-то решила, что Вседержитель проявил ко мне милость, великодушно лишив способности ощущать!

Увы, это было только иллюзией – через вечность, когда я почти уверилась в том, что смогу умереть достойно, из разгоревшегося костра вылетел уголек. И предельно обжег мне колено!

У меня подогнулись ноги, и я со стоном опустилась на землю. Прямо там, где стояла.

Бездушный тут же оказался рядом, подхватил меня на руки и перенес к костру. Потом посадил рядом с собой, снял с рогулек прутик с нанизанным на нем жареным мясом и протянул его мне:

– Кушайте.

Следующие минут пятнадцать я давилась мясом и пыталась понять, почему Меченый выбрал именно меня. Ведь мог же он пройти мимо Атерна и остановиться на ночь, скажем, в Геррене или Фьорне? Или прийти в замок тогда, когда в нем был отец? Мог? Мог! Но пришел к нам... Вернее, ко мне! И именно тогда, когда отец уехал в Аверон. А потом сделал первый шаг к моей душе, убив при мне несчастную «котобелку».

«Нет, все было не так! – поняв истинную причину моей беды, мысленно взывала я. – Он пришел не ко мне, а в замок, то есть в место, где живет великое множество людей. И не конкретно за мной, а просто для того, чтобы найти жертву! А я сама заглянула в его глаза и тем самым сделала первый шаг в бездну Неверия...»

Тем временем Меченый расправился с очередным куском мяса, подкинул в костер дров и угрюмо посмотрел мне в глаза:

– Атерн захвачен. В столице – мятеж. Где вас могут приютить?

Я поняла, что ему надо! Поэтому закусила губу и отрицательно помотала головой:

– Нигде.

Нелюдь прикоснулся рукой к посоху, лежащему возле правой ноги, и ласково провел большим пальцем правой руки по Пути:

– У вас что, нет родственников? А у графа Корделла – друзей?

Намек был более чем понятен. Поэтому я зажмурилась и застонала: Бездушный устал. И хотел воспользоваться мной, как ключом к душам моих близких. Чтобы сократить себе Путь:

«...К концу своего пребывания на Горгоде Нелюди настолько устают от боли, что готовы сделать все, лишь бы получить Темное Посмертие хотя бы на день раньше. Одни терзают свои жертвы по двое-трое суток, вторые убивают все, что дышит, а третьи, самые

коварные, ищут того, кто сможет стать Проводником между ними и теми, кто верует во Вседержителя.

Проводник – это человек, единожды нарушивший одну из заповедей Изумрудной скрижали. Например, посмотревший в глаза Бездушному, выслушавший его или, что еще хуже, заговоривший с ним и... не покавшийся! Сделав первый шаг к Неверию, он не успевает почернеть душой, поэтому кажется окружающим его людям чистым и безгрешным. И, привлекая к себе истинно верующих своим умом, красотой или обаянием, обрекает тех, кто слаб, на жуткую смерть в руках Бездушного...»

«Тех, кто слаб!!!» – мысленно воскликнула я. Потом открыла глаза и улыбнулась:

– Друзья – есть! Граф Грасс Рендалл...

Глава 9 Кром Меченый

Шестой день четвертой десятины второго лиственя

Улыбка, появившаяся на губах леди Мэйнарии, выглядела... торжествующей! Поэтому я невольно начал искать в ее словах какой-нибудь подвох. И... не нашел: о дружбе ее отца с графом Рендаллом слышал даже я; до имения последнего было сравнительно недалеко. И, даже не особенно торопясь, мы могли дойти до него еще до заката.

Мысль о том, что уже этим вечером я вырежу на своем посохе еще одну зарубку и тем самым сделаю еще один шаг к концу своего Пути, была настолько приятной, что я вцепился в древко и провел большим пальцем по пока еще гладкой поверхности. А потом изумленно посмотрел на баронессу: она смотрела на мою руку широко открытыми глазами и... тряслась от ужаса!!!

Я убрал руку и попробовал ее успокоить:

– Отведу. К графу Рендаллу. Обещаю.

Однако добился прямо противоположного результата – ее милость смертельно побледнела, невесть как удержалась на грани потери сознания, а через пару минут брезгливо прикоснулась пальчиком к своей груди и, не глядя мне в глаза, прошептала:

– Только в таком виде я к нему не пойду.

Я оглядел ее с головы до ног и мысленно с ней согласился: с растрепанными волосами и в застиранных рубашках с чужого плеча она была похожа не на дворянку, а на... Элларию! В тот момент, когда она, не успев проснуться, бросалась к маме, чтобы поменять мокрые простыни.

Воспоминание о родных было таким острым, что я скрипнул зубами и... в очередной раз напугал леди Мэйнарию – она дернулась, как от удара, и затравленно посмотрела на меня:

– В таком виде меня не пустят даже на порог!

– Купим. Платье. В Меллоре... – пообещал я. Потом встал, подобрал посох, закрепил его на спине и принялся складывать в котомку остатки еды...

В начале пути баронесса казалась мне легкой, как пушинка. Однако с каждым часом становилась все тяжелее и тяжелее и к полудню начала обрывать мне руки. Поэтому когда я выбрался на меллорский тракт и на мои сапоги начала налипать глина, мне срочно захотелось до ветру. А еще попить и перекусить – в общем, заняться чем угодно, лишь бы хоть на мгновение опустить на землю этот неподъемный груз.

Как назло, подходящее место все не находилось – обочина тракта была разбита колесами телег ничуть не меньше, чем проезжая часть. И чтобы не ставить леди Мэйнарию в грязь, мне пришлось возвращаться к опушке.

Вернулся. Опустил баронессу на трухлявый пенёк, выпрямил спину, расслабил руки и мысленно попросил Двумликого послать мне телегу, ослика или какое-нибудь еще попутное средство передвижения.

Бог-Отступник смотрел на меня. Видимо, очень внимательно, так как минут через двадцать пять, когда я справил все естественные потребности, поел, попил и даже слегка отсидел себе седалище, со стороны замка Атерн раздался перестук копыт.

Я на всякий случай несколько раз сжал и разжал кулаки, удостоверился, что руки меня слушаются, затем встал и снял со спины посох.

Оглядев троицу всадников, показавшихся из-за поворота, баронесса удивленно вытаращила глаза:

– Ой, Уголек!

Потом нахмурила брови и мигом оказалась на ногах:

– Это – конь Волода! По какому, интересно, праву они его...

Конца фразы я не дождался, так как она неловко наступила на больную ногу, зашипела и... неожиданно повернулась ко мне:

– Пожалуй, вести меня к графу Рендаллу не обязательно: обо мне может позаботиться брат Димитрий, духовник моего отца. Во-о-он тот монах, который восседает на коне моего брата!

Я мысленно поблагодарил Двудликого за заботу, нащупал место под новую зарубку и вслед за ковьяющей баронессой вышел на опушку.

Увидев нас, всадники осадили лошадей и переглянулись. Я сразу же напрягся – всадник на угольно-черном жеребце зачем-то полез в рукав сутаны, а его спутники *одинаково* повернули коней боком и *одинаково* отвели десницы к переметным сумам!

– Брат Димитрий, это я, Мэйнария! – воскликнула баронесса, и... я, увидев начало его *движения*, вбил ее лицом в грязь.

Болт, предназначенный для нее, свистнул над моим правым плечом. Тот, который летел в меня, пронесся в полтора локтях левее. А метательный клинок, брошенный *братом во Свете*, чуть не оцарапал шею!

«Ничего себе «не убий!» – возмущенно подумал я и, перебросив посох в левую руку, потянулся за своими ножами.

Слуга Бога-Отца оказался воином! Причем далеко не самым худшим: первый брошенный мною нож воткнулся в кулачный щит, сорванный им с седла! Второй пролетел над плечом, а третий... третий я догадался метнуть в его коня!

Несчастное животное тут же встало на дыбы, потом стало клониться на бок, и я, наконец, достал его хозяина. Всадив нож чуть выше среза голенища.

Грязное ругательство, сорвавшееся с уст ордена, на мгновение ввергло меня в состояние ступора – падая с коня, брат во Свете *поминал Двудликого!* Причем такими словами, как будто всю жизнь проработал вышибалой в таверне Серых или в Цветнике⁷⁰ самого низкого пошиба!

Потом до меня добежали его спутники, и мне стало не до раздумий.

Первая же атака в *два меча* чуть не отправила меня в Небытие: правый противник, поднырнув под удар концом посоха, атаковал меня в колено, а левый – в лицо!

Я скинул правую ногу вверх, а клинок, летящий в переносицу, сбил в сторону серединой посоха и предплечьем. Вернее, серединой посоха и стальным прутом, вшитым в наруч. И тут же ударил «левого» наверху висок.

Воин оказался быстрее, чем я думал. И почти увернулся – конец посоха чиркнул его под ухом и слегка зацепил край нижней челюсти. Впрочем, даже такого «легкого» касания хватило за глаза: воин пошатнулся, выронил меч и начал оседать на землю... А я не смог его добить, так как был вынужден блокировать шквал атак его товарища!

Удар в живот, в горло, во внутреннюю поверхность бедра, подсечка, разрыв дистанции, бросок метательного клинка, попытка войти в ближний бой... – воин вкладывался в каждое движение так, как будто оно было последним. И старательно поворачивал меня боком к своим спутникам. Вернее, к монаху, который успел выдернуть из ноги мой нож и, накрутив на ладони рукава сутаны и морщась от боли в пальцах, пытался взвести арбалет без поясного крюка⁷¹.

Потеря концентрации вышла мечнику боком: заблокировав очередную атаку, я изобразил, что тянусь к перевязи, ушел в сторону от глубокого выпада... и опустил посох ему на темя. Коротким, но очень акцентированным движением. Потом рванул древко на себя и тут же ударил снова. В переносицу. А потом присел, пропуская болт над собой.

⁷⁰ Цветник – жаргонное название публичного дома.

⁷¹ При натягивании арбалета ставили ногу в стремя, цепляли тетиву поясным крюком, а потом выпрямлялись.

Монах выдал очередную порцию крайне нелестных эпитетов в адрес Бога-Отступника, его слуг и одного «на редкость гнусного» Бездушного, потом вбил арбалет в землю, вставил ногу в стремя⁷² и взялся за тетиву голыми руками!

Я хладнокровно дождался, пока он начнет выпрямляться, и бросил метательный нож. Потом скользнул к тому воину, которого оглушил в начале схватки, перебил ему позвоночник и... провел большим пальцем по Пути: на нем вот-вот должна была добавиться третья зарубка! За какие-то сутки!!!

Увидев улыбку на моем лице, леди Мэйнария посмотрела на меня, как на ожившую Темную половину Двуликого. И поползла к лесу. Задом! Загребая грязь босыми ногами!

⁷² Стремя – деталь арбалета. Служит для упора ноги во время натягивания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.